

Въ Музей им. Л. Н. Толстого въ Москвѣ —
(Декабрь 1918 года) от В. и А. Чертковъ

1918 годъ 207120

Цѣна 70 к. На жел. дор. — 85 к. (1918/19)

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

И

№ 1 (7)

ЕДИНЕНІЕ

ГОДЪ
ИЗДАНІЯ II.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Чертова.

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5. — Изд. «Свобода».

СОДЕРЖАНІЕ. ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО: Петръ Хлебницъ (Драмат. легенда). ЕДИНЕНІЕ: И. Горбуновъ-Посадовъ. Разстрѣлъ Христа — В. Чертковъ. Духовныя исканія народа. — К. И. Изъ жизни: 1. «Христосъ большевикомъ». 2. Въ кинематографіи. 3. Около трамвая. — В. Чертковъ. Интеллигенція и народъ. — К. И. Безуміе зѣбры. — И. Горбуновъ-Посадовъ. «Братья» (стихотворенье). — Обмѣнъ мыслей (письма изъ провинціи). — Изъ печати. — Хроника: Отчетъ О-ва Истинной Свободы. Союзъ востанганія свободнаго человѣка.

Разстрѣлъ Христа воюющими народами

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

И

№ 1 (7)

ЕДИНЕНІЕ

ГОДЪ II
ИЗДАНІЯ II

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ Редакціи и Мониторы: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5.—Изд. «Свобода».

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО.

Петръ Хлѣбникъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ *).

Явленіе 1-ое.

Площадь города. Лавки, балаганы. Ходятъ люди, торгуютъ. Гулъ отъ говора. Налево сидятъ нищіе въ восточныхъ прорванныхъ рубахахъ, безъ пертокъ, старики, безрукіе, слѣпые съ мальчиками—поютъ. Проходящіе подаютъ.

Женщина въ чадръ даетъ рубль серебряный.

Явленіе 2-ое.

(Пѣніе замолкаетъ).

1-й нищій. (Хватаетъ. Другіе продолжаютъ просить).

Женщина. На всѣхъ.

Нищіе (вмѣстѣ). Спаси Христосъ!

(Женщина проходитъ).

3-й нищій. Сколько всѣхъ? 8. (Размѣниваются).
Дай ей Богъ свои милость и радость, Царство Небесное. По 12. Пойдемъ размѣнять.

2-й нищій. У Абдула есть.

4-й нищій. Всегда даетъ.

2-й нищій. Она да Амфілій Тирскій—больше никто не даетъ.

3-й нищій. Да и принять отъ нея сердце радуется, не то какъ Миронъ: тотъ одблаетъ, да черезъ слугъ,—какъ собакамъ швырлетъ.

2-й нищій. Какъ ни давай, только бѣ давалъ. Другой и давать не даетъ, и какъ собаку ругаетъ.

3-й нищій. Кто же нищаго ругаетъ? Только нехристи да Петръ Мытарь.

4-й нищій. Ну, Петръ одинъ и есть.

2-й нищій. Другого нѣтъ собаки.

3-й нищій. Я двадцать лѣтъ живу, ни разу не далъ полушки ржавой.

Всѣ нищіе. Ни мнѣ, ни мнѣ.

*) Дѣйствие 1-е печатается по наиболее обработанному варианту. Вообще же вся пьеса Л. Н.—чемъ только набросана чертѣй.

Редакція.

1-й нищій. Да что онъ: христіанинъ?
3-й нищій. Христіанинъ, да хуже нехриста. Христіанину нельзя не подать ради Христа.
2-й нищій. А вотъ не даетъ. Не далъ и не дастъ.

1-й нищій. Просить не умѣете. Христіанину нельзя не дать.

Всѣ. А вотъ не даетъ.

1-й нищій. Вамъ не давалъ, мнѣ дастъ.

Всѣ. Не дастъ, не тотъ человекъ.

1-й нищій. Объ закладъ, что дастъ.

Всѣ. Объ закладъ. Копейку, двѣ полушки.

1-й нищій. Идетъ. (Бьетъ по рукамъ). До вечера дастъ. Да вотъ и онъ. Смотрите.

Явленіе 3-ье.

Рабочій арабъ ведетъ мула, навьюченного двумя корзинами, полными хлѣбами. За нимъ Петръ Мытарь, толстый, завалившись назадъ, съ палкой съ золотымъ набалдашникомъ, идетъ въ богатой длинной одеждѣ.

Петръ Мытарь. Такъ слушай же ушами. Прямо на дворъ къ княгинѣ Евдоксѣ введи, скажи: Петръ Мытарь по заказу прислалъ. По серебрянику за хлѣбъ.

Арабъ. Всѣ отдавать?

Петръ Мытарь. Сказано, по серебрянику за хлѣбъ: сколько возьметъ, столько серебряниковъ.

Арабъ. А всѣхъ брать не станешь?

Петръ Мытарь. Э, образина чертова, безтолковая. Всѣхъ сто двѣнадцать хлѣбовъ. Сколько возьметъ, столько серебряниковъ. Остальные вези къ Абдулу. Да чтобы цѣлы были.

Арабъ. Ладно. (Идетъ).

1-й нищій. (Изгнувшись, трясясь, подходитъ къ Петру). Кормилецъ, Христа ради убогому, Богъ тебя наградитъ. Дай Богъ тебѣ еще въ десять разъ пропитъ твоего за твою добротню. Отецъ, Христа ради!

Петръ Мытарь. (Идетъ не замечая. Когда нищій подходитъ и касается,—поднимаетъ палку). Прочь, собака!

1-й нищій. (Забывая впередъ, отдалится такъ, чтобы не доставала палка). Благодаритель! Кормилецъ! Пожалѣй убогаго, Христосъ тебѣ воздастъ. Не оставь несчастнаго.

Петръ Мытарь. (Грозитъ палкой). Достану, собачій сынъ!

1-й нищій. Не меня пожалѣй, Христа ради прошу.

Петръ Мытарь. У Христа и проси. *(Замалчивается)*.

1-й нищій *(перевѣсаетъ на другую сторону)*. Не отстану, до вечера не отстану. Пожалѣй, кормилецъ! Передожи гнѣвъ на милость.

Петръ Мытарь. Смотри. Не палкой, такъ я тебя каменемъ достану. *(Нагибается, отыскивая камень)*.

1-й нищій. Миленькій ты мой, красавецъ ты мой! Знаю, ты жалѣешь меня, ты передъ людьми не хочешь. Ну, брось конечесу. Богъ тебѣ заплатитъ, и тебѣ, и дѣткамъ. Отецъ, кормилецъ! Не отстану, умру, не отстану.

Петръ Мытарь. Отстанешь! *(Блѣзнитъ за нимъ съ палкой, добываетъ до мула. Нищій отвѣсаетъ. Петръ хватается за землю, камня нѣтъ. Проваливъ же, проклятый! Хватаетъ хлѣбъ и кидаетъ въ него)*.

1-й нищій. *(Кричитъ)*. Спаси Христосъ за святую милостыню! *(Кланяется)*. Я говорилъ, что дашь. *(Петръ съ арабомъ уходятъ)*.

1-й нищій. *(Подходитъ къ своимъ)*. Говорилъ, что дасть. Давайте закладъ.

3-й нищій. Онъ не дасть, онъ швырнулъ.

1-й нищій. Все равно милостыня. Давайте закладъ.

2-й нищій. Нѣтъ, мы бились, что охотно не дасть; а онъ швырнулъ.

1-й нищій. Кабы неохотно, онъ бы назадъ взялъ...

3-й нищій. И то правда. Видно, пробилъ закладъ. Платить надо.

Нищіе *(вмѣстѣ)*. Платить, такъ платить. *(Достаютъ деньги)*.

3-й нищій. Ну, видно конецъ свѣту пришелъ, коли Петръ Мытарь милостыню давать сталъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

(Внутренность дома. На первомъ планѣ сидятъ жена и дочь Петра. Въ глубинѣ сцены кровать, на которой лежатъ Петръ, мечется и бредитъ).

Петръ. Разбойники, разорили. Кула столько муки всыпали? Плати деньги. Рѣжь. Царь. Цѣфты заиграли. Провайте. *(Затихаетъ)*.

Жена. Вотъ уже вечеромъ третій день будетъ, а все не лучше. Какъ бы не померъ. *(Входитъ юродивая)*.

Юродивая. Здравствуй, дѣвонька. Все плачешь? Мужа хоронить хочешь? Не робѣй, не помереть. Не готовъ еще онъ. Тридцать лѣтъ деньги собиралъ, теперь столько еще лѣтъ надо деньги расширивать. Тогда только готовъ будетъ.

Мать. Будетъ тебѣ, Дуношка, пустяки говорить. Поѣсть хочешь?

Юродивая. Не надо мнѣ ѣсть. Эй, старикъ, спишь, что ли? *(Дочь уходитъ)*.

Петръ *(прислушивается)*.

Юродивая. Нельзя богатому вить въ Царство Божіе. Не пролѣзешь, зацѣпнись. А не пролѣзешь, въ ады къ муринамъ попадешь. *(Входитъ врачъ)*.

Явленіе 2-е.

Ты же и врачъ, безъ дочери.

Петръ. *(Вскакиваетъ и кричитъ)*. Тебѣ что нужно? И ты меня душить хочешь?

Врачъ. Успокойся, болѣзнь твоя пройдетъ. *(Беретъ его за руку и усаживаетъ на постель)*.

Юродивая. Дуракъ, дуракъ, глупости дѣлаешь, мое дѣло портишь. Не хочу смотрѣть. *(Убѣгаетъ)*.

Врачъ. Держите его. *(Ощупываетъ, остукиваетъ и говоритъ про себя)*. Здѣсь нѣтъ. Здѣсь ачинается. Слышу, вотъ онъ. Этого я выгоню. Вся болѣзнь тутъ. Исцѣлившись, будь спокоенъ. Лежи смирно. *(Вынимаетъ стклянку, даетъ ему пить и передаетъ жизнь другу, чтобы растирять его)*. Вечеромъ разотрите его. Вотъ такъ. *(Врачъ уходитъ, жена за нимъ)*.

Явленіе 3-е.

Петръ. *(Одинъ долго лежитъ молча, вдругъ вскакиваетъ и садится)*. Что же это? Это смерть. Чувствую, что умираю. Вотъ онъ и ангель за душой пришелъ. Онъ говоритъ, исцѣлившись. Какое исцѣление, когда смерть? Боже мой, что же будетъ со мной тамъ? Неужели правда, что нельзя войти богатому въ Царство Божіе? Неужели правда, что зачѣтается мнѣ вся жестокость моя, что не давалъ я просящему, не жалѣлъ вдову, сироту, больного, убогаго? Неужели это правда? Какъ же не понималъ я этого? Лучше бы мнѣ не половину, а все отдать, чѣмъ ити теперь къ этимъ чернымъ. Вотъ они, вотъ они, уже тащатъ къ себѣ мою душу. *(Смотритъ вверхъ)*. Да, вотъ они, вѣсь, на нихъ будутъ вѣшать мои добрыя и злыя дѣла. Вотъ они принесли на одну сторону деньги, что я поотнималъ у вдовъ и сиротъ, жалованье, что я не отдалъ рабочимъ, обиды, ругательства, побои. Вотъ они верхомъ наложили эту чашу вѣсовъ, и уже пошли вѣсы книзу, и вотъ они возрадовались, дьяволы. Ай, ай, пропалъ! Что теперь положить на другую сторону?... Что же это? Хлѣбъ. Только одинъ хлѣбъ, тотъ хлѣбъ, что я тогда бросилъ въ надобнаго нишаго. Батюшки, поднялись вѣсы, перетянули хлѣбъ всѣ злыя дѣла мои... Такъ вотъ оно что значить милосердіе. Только бы не умереть мнѣ теперь. Зналъ бы я, чѣ бы сдѣлалъ! По слову Христову, роздалъ бы все имѣніе нищимъ, не оставилъ бы себѣ ничего. *(Падастъ на постель и засыпаетъ)*.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

(Передъ крыльцомъ дома Петра. Петръ на крыльцѣ, кругомъ огромная толпа нищихъ и всякаго народа. Петръ изъ мешка отдаетъ деньги).

1-й нищій *(на 2-го)*. Ты ужь другой разъ берешь. *(Толкаются)*.

2-й нищій. Врешь, ты самъ три раза бралъ.

Женщина. Ай, батюшки, задвинули!

Голосъ изъ толпы. А ты не лѣзь.

3-й нищій. Мнѣ, мнѣ, пять человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше... *(Различные возгласы)*.

Петръ. Берите, берите, достанетъ, только не обижайте другъ друга. Довольно обижалъ всѣхъ, простите Христа ради.

Явленіе 2-е.

Жена *(прибываетъ)*. Что жь ты это, разбойникъ, дѣлаешь? Нищими насъ оставитъ хочешь? То не въ мѣру скупъ, а теперь не въ мѣру щедръ сталъ. Разбойникъ! *(Отнимаетъ у него деньги и сталкиваетъ въ домъ. Кричитъ на народъ и разгоняетъ)*.

Явленіе 3-е.

Петръ Хлебникъ входитъ съ работою Елизаромъ.
Петръ. Такъ общай же, что сдѣлаешь то, о чемъ буду просить тебя.

Елизаръ. Все сдѣлаю, потому что люблю тебя теперь больше, чѣмъ люблю отца съ матерью. Люблю, потому что вижу въ тебѣ духъ Божій.

Петръ. Общайся, клянешься?

Елизаръ. Общайся, клянусь.

Петръ. Видишь ли, семья не дозволяетъ мнѣ раздать послѣднее имѣніе мое. Не могу я силой итти противъ нихъ, и не могу я остаться такъ, какъ я былъ. Понялъ я теперь грѣхъ мой и хочу искупить его и служить одному Богу. Сказано: «Продай имѣніе свое и отдай его нищимъ». Мнѣ не дають раздать остальнаго имѣнія моего. Я не воленъ въ немъ, но въ себѣ я воленъ, и себя я хочу отдать людямъ. Такъ пойдемъ же со мной на базаръ, гдѣ продають невольниковъ, свяжи мнѣ руки и выведи меня и продай какъ невольника своего. А деньги, которыя выручишь, отдай нищимъ.

Елизаръ. Хозяинъ, не могу сдѣлать этого.

Петръ. А какъ же ты общалъ и клялся мнѣ?

Елизаръ. Не дѣлай этого, жаль мнѣ тебя.

Петръ. Что же не жалѣлъ ты меня, когда я дѣлалъ зло и губилъ себя? А жалѣешь теперь, когда хочу спасти себя.

Елизаръ. Пусть будетъ воля твоя.

Жена. (*Входитъ*). Что вы дѣлаете здѣсь? Будетъ вамъ растабарывать. Идите въ домъ. (*Уходятъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе 1-е.

Базаръ. Невольники и невольницы связанные, съ цѣпяхъ, и ихъ хозяева. 1-й хозяинъ съ 2-мя невольницами. 2-й хозяинъ съ старикомъ невольникомъ и съ сыномъ, мальчишко-невольникомъ. Елизаръ съ Петромъ. Покупатели.

1-й покупатель. Что просишь за эту? (*Показываетъ на невольницу*).

1-й хозяинъ. Двѣсти гривенъ.

1-й покупатель. Что умѣешь дѣлать?

1-й хозяинъ. Пляшетъ, поетъ.

1-й покупатель. Стряпать умѣешь?

1-й хозяинъ. Для стряпки возьми старую.

1-й покупатель. Не нужно.

2-й покупатель. (*Подходитъ къ старику и молодому*). Что просишь за двухъ?

2-й хозяинъ. Сто тридцать.

2-й покупатель. Кто же тебѣ это дастъ. (*Трогаетъ за руку старика*). Въ немъ силы нѣтъ, А тотъ молодой.

2-й хозяинъ. Да я дешевле не возьму.

2-й покупатель. Не надо, не надо. (*Подходитъ къ Петру*). На какую годень работу?

Елизаръ. (*тихо*). Не могу, уволь.

Петръ. Помни, что ты поклялся, не погуби меня. (*Къ покупателю*). Гожусь на всякую. Могу и черную работу, и писать, и считать могу.

2-й покупатель. Что просишь?

Петръ. (*шепотомъ Елизару*). Говори: сто гривенъ.

Елизаръ. Сто гривенъ.

Явленіе 2-е.

Подходитъ два египтянина.

1-й египтянинъ. (*Къ покупателю*). Для чего торгуете?

2-й покупатель. Мнѣ въ черную работу надо. А этотъ и писать и считать умѣетъ, а такіе на тяжелый трудъ надежны.

1-й египтянинъ. А мнѣ такого и нужно. По нашей торговлѣ дорогими каменьями нужно не тяжелую работу, а чистоту, расчетливость и вѣрность.

Петръ. Хозяинъ, возьми меня, будешь доволенъ. Буду служить, какъ свать отцу родному.

1-й египтянинъ. Ты мнѣ нравишься. (*Къ Елизару*). Какая цѣна?

Елизаръ. Сто гривенъ.

1-й египтянинъ. Получи деньги.

Елизаръ. (*Плачетъ*). Не могу.

Петръ. (*обнимаетъ Елизара*). Прощай. Отдай же деньги, какъ я сказалъ тебѣ.

Елизаръ. Все сдѣлаю, только бы душа твоя была покойна. Прощай, дорогой хозяинъ.

Петръ. Молчи. (*Уходитъ съ египтяниномъ*).

Елизаръ одинъ плачетъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

*Дѣйствіе происходитъ въ Египтѣ. Изъмой при-
вратникъ пропускаетъ врача и купца въ двери и объяв-
ляетъ знаками, что хозяинъ сейчасъ придетъ. Ухо-
дитъ.*

Врачъ. Должно-быть, онъ говоритъ, что хозяинъ дома, и проситъ насъ взойти. Пойдемъ.

Купецъ. Да я знаю, что они гостеприимные люди. (*Входитъ 1-й египтянинъ*).

Явленіе 2-е.

1-й египтянинъ. (*Обращаясь къ купцу*). Радуюсь видѣть васъ у себя. Милости просимъ. Вы, должно-быть, устали отъ дороги и не откажетесь вку-
сить моей хлѣба-соли.

Купецъ. Благодарю. Мы и другъ мой, врачъ, изъ далекой Сиріи прѣехали по дѣламъ торговли въ вашъ городъ и очень рады посѣтить васъ.

Египтянинъ. (*Хлопаетъ въ ладоши и зоветъ*). Мефодій! (*Къ гостямъ*). Прошу садиться.

Явленіе 3-е.

Входитъ Петръ въ одесядъ прислуживающаго раба и, увидавъ врача, пугается и отворачивается.

Петръ. Что прикажетъ хозяинъ?

Египтянинъ. Принеси дорогимъ гостямъ хлѣба, вина и винограду. Гости съ твоей стороны. Ты не знаешь ихъ?

Петръ. Нѣтъ, я не знаю. (*Уходитъ*).

Врачъ. (*Къ хозяину*). А ты былъ когда-нибудь въ нашемъ городѣ?

Египтянинъ. Былъ восемь лѣтъ тому назадъ. Въ то самое время, какъ купилъ того самаго раба, котораго вы сейчасъ видѣли.

Врачъ. Да это было въ то самое время, какъ въ нашемъ городѣ случилось то необыкновенное дѣло, котораго никто не можетъ понять до сихъ поръ.

Египтянинъ. Какое же это было необыкновенное дѣло?

Врачъ. А это было то, что одинъ изъ самыхъ

богатыхъ людей нашего города, Петръ Хлѣбникъ, обладавшій огромными садами и землями и бывшій самымъ скуднымъ человѣкомъ въ странѣ, вдругъ повѣрилъ христіанскому закону и роздалъ все, что могъ раздать, а такъ какъ не могъ все раздать, то, какъ разсказываютъ, самъ себя продалъ въ рабство, ибну за себя отдалъ нищимъ и исчезъ неизвѣстно куда.

Купецъ. Жена до сихъ поръ повсюду разсылаетъ людей, чтобы найти его, но никто не знаетъ, гдѣ онъ и что онъ.

Египтянинъ. Какая удивительная исторія. Какихъ онъ былъ лѣтъ и какого вида?

(Въ это время входитъ Петръ, неся кувшинъ съ виномъ и плоды).

Врачъ. Ему было уже лѣтъ подь пятьдесятъ и изъ себя былъ роста средняго, скорѣе худой, чѣмъ толстый, подобно рабу этому. (Петръ закрываетъ себѣ лицо и поспѣшно уходитъ). Какое слабое лицо у раба этого.

Египтянинъ. Онъ не рабъ, а золото. Съ тѣхъ

поръ, какъ онъ у меня, всѣ дѣла мои процвѣтаютъ. Я много разъ отдавалъ ему свободу, но онъ не хочетъ брать ее. Онъ рабъ, но одинъ изъ самыхъ лучшихъ людей, которыхъ я зналъ когда-либо. Мефодій, пойди сюда. (Входитъ Петръ).

Врачъ. (Къ купцу). Посмотри, онъ право похожъ на Петра Хлѣбника.

(Петръ бѣжитъ къ дверямъ).

Петръ. Нѣмой, отпри! (Дверь отворяется и Петръ убѣгаетъ. Нѣмой входитъ и говоритъ).

Нѣмой. Это былъ святой, я видѣлъ, когда онъ вышелъ въ ворота, какъ сіяніе окружило его, и онъ исчезъ.

Египтянинъ. Чудо: нѣмой заговорилъ.

Купецъ и врачъ. Это онъ, это онъ, онъ скрылся, чтобы люди не восхваляли его.

Занавѣсъ.

Конецъ.

ЕДИНЕНІЕ.

Разстрѣлъ Христа воюющими народами.

(Текстъ къ картинѣ *).

Заря одного изъ іюльскихъ дней 1914 года. Предъ стѣнами большого европейскаго города выстроены воинскія команды отъ сражающихся армій Германіи, Россіи, Австро-Венгріи, Франціи и Англии.

И подь международнымъ конвоемъ приведенъ и поставленъ предъ войсками у городской стѣны человѣкъ въ бѣдной, нищенской одеждѣ.

И со скорбью великой и съ жалостью великой смотрятъ кроткія очи его на полчища братьевъ-людей съ орудіями братоубійства въ рукахъ. И молить онъ Отца.

— Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ.

И разгорается заря, и ярко блестятъ изъ-за городскихъ стѣнъ на солнцѣ, поднимаясь къ небу, купола и шпили лютеранскихъ, католическихъ и православныхъ церквей.

И бьютъ барабаны, и выѣзжаетъ на конѣ предъ воинскими частями офицеръ съ грудью увѣшанной крестами, и читаетъ развернутую бумагу, и голосъ его далеко слышенъ предъ войсками.

«Мы,—читаетъ онъ,—императоръ Германіи и король Пруссіи, императоръ всея Россіи, императоръ и король Австро-Венгріи, Король Великобританіи и императоръ Индіи, президентъ Французской республики, образовавъ изъ себя высшій международный судъ всѣхъ воюющихъ націй, объявляемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ, что Иисусъ изъ Назарета признанъ нами виновнымъ въ тяжчайшемъ преступленіи, а именно въ томъ, что онъ среди нашихъ подданныхъ, по долгу присяги своей предъ нами и Богомъ обязанныхъ сражаться за насъ и за родину до послѣдней капли крови собственной и вражеской, распространяетъ пагубное, преступное ученіе о томъ, что всѣ люди дѣти одного отца Бога, и что

* Рисункомъ заимствованъ изъ американскаго журнала, вышедшаго въ 1914 году, при возобновленіи войны между нѣсколькими державами: Германіей, Россіей, Австріей, Франціей и Англией. *Ред.*

поэтому нѣтъ и эллина ни іудея, ни германца, ни русскаго, ни французскаго, ни англичанина, а есть только братья — люди, съ одной Божьей во всѣхъ нихъ душой, и что поэтому никакъ нельзя не только убивать никакого брата человѣка, но должно любить и тѣхъ, кого называютъ врагами.

И преступнымъ ученіемъ этимъ Иисусъ Христосъ склоняетъ нашихъ подданныхъ, солдатъ всѣхъ воюющихъ армій нашихъ, къ прекращенію начатыхъ военныхъ дѣйствій. И потому, признавъ его, Иисуса изъ Назарета, виновнымъ въ преступномъ подстрекательствѣ къ отказу отъ военной службы и отъ участія въ войнѣ а по сему виновнымъ въ подстрекательствѣ къ неповиновенію Богомъ и закономъ установленнымъ властямъ, къ измѣнѣ государству и родинѣ, къ бунту и мятежу,—за эти тяжчайшія его преступленія мы объявляемъ Иисуса изъ Назарета повиннымъ смерти и присуждаемъ его, какъ возмутителя солдатъ на поляхъ военныхъ дѣйствій, къ смертной казни чрезъ разстрѣланіе.

И когда прочтенъ смертный приговоръ Иисусу, раздаются вновь барабанный бой.

И выходятъ изъ ряда войскъ по стрѣлку отъ армій Германіи, Россіи, Австріи, Франціи, Англии... и стрѣлки по приказу поднимаютъ ружья. И раздаются приказы: «стрѣляй!».

И начинается разстрѣлъ Иисуса, который продолжается и посейчасъ. И этотъ разстрѣлъ Христа называется «Всемирная война».

Ибо всякая война, всякое человѣкоубійство, всякая вражда—это разстрѣлъ Христова ученія, разстрѣлъ истины о великомъ братствѣ всѣхъ людей, разстрѣлъ духа Христова въ человѣчествѣ.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Май 1918 года.

Духовныя исканія народа.

Недавно московское общество было возмущено пріѣздомъ сюда нѣмецкаго посла Мирбаха. Говорятъ о томъ, что его водвореніе у насъ знаменуетъ новую эпоху германскаго владычества въ исторіи Россіи. Указываютъ на то, что Россія стала колоніей Германіи. Предвидятъ, что Германія заберетъ въ свои руки Украину и Финляндію, займетъ Петроградъ и Москву. Сокрушаются о томъ, что нѣтъ больше Россіи...

Но какое ничтожное значеніе имѣютъ всѣ эти слухи и политическія обстоятельство, воображенія и опасенія въ сравненіи съ дѣйствительной судьбой русскаго народа. Въ изданіи

каждого народа также вовсе не то, под чье управление подпали бы или иные области, или в чьих руках в данную минуту сосредоточена государственная власть. Области, входившие в состав так называемой Российской империи, были раньше того независимы от России. Присоединены к России они были захватными или обманным путем. И как ничего хорошего не было в их присоединении, так не может быть ничего плохого в их отпадении. Государственная же власть вообще есть одно из худших проявлений ала и нравственного разращения среди людей. А потому русский народ никак не может пострадать от того, что не будет участвовать в этом ала.

Что же действительно важно в народной жизни? Важно то самое, что имеет наибольшее значение и в жизни отдельного человека. Важно внутренняя жизнь разумного сознания. Истинное значение имеют одна только духовная жизнь.

Видь в самом деле, в жизни отдельного человека самое существенное вовсе не то, что люди, а часто и они сами, считают наиболее важным. Главное — не внешние события его жизни — не то, удалось ли ему приобрести богатство, обязанности семьи, достигнуть почта, или наоборот — разорился ли он, потерял ли удачу, заболел ли. А важно, действительно важно только то, что в это время происходило в его душе, — способствовали ли эти внешние события его внутреннему духовному росту.

То же и с жизнью народа. Тот, кто ищет счастье хоть в какой-либо степени приобрести духовной жизни, знает, что как для отдельного человека, так и для целого народа, главное — не внешнее материальное благополучие, а внутреннее духовное благо. В том, что человек или народ вносят в жизнь человечества, действительно ценно только то, что прошло через их духовное сознание. Оно продолжает расти и распространяться среди людей даже и тогда, когда давно забыто, через кого именно оно впервые проникло в сознание человечества. Но главное, то божеское начало, с которым слывается одухотворенное сознание человека или народа, оно-то и есть самая суть жизни. Оно есть то одно, что в жизни несомненно истинно, то одно, что осмысливает и оправдывает человеческое существование.

После прекращения царского гнета сознание и стремления русского народа стали более истинно проявляться. И вопли естественные, что проявления эти носили и носят весьма разнообразный характер, от самых возвышенных и прекрасных до самых низменных и плохих.

Отрицательная проявления народной жизни у нас у всех перед глазами. Мы постоянно слышим о совершающихся по всей стране ужасах и безобразиях. Мы бываем даже склонны думать, что в этом принимают участие весь русский народ. На самом деле действительно все это только среди некоторой, меньшей части народа. Но так как все скверное крикливо и заметно, čímь хороше, то оно часто заслоняет от нас светлую сторону жизни.

Тв печальная явления, которая происходит в настоящее время среди нашего народа, самым естественным образом вытекают из целого ряда неизбежных причин. Одна, разумется, та, что в природе всех людей, наряду с хорошими, имеются и дурные. Другая причина та, что, благодаря революции, прежде рабы вдруг стали в высшей степени свободными. От этого сразу получили волю ту страсти, которая раньше была заперта. Когда плотина прорывается то первое время задерживаемая вода несет стремительным потоком, разрушая все на своем пути. Разрушающее влияние трехлетней войны также несомненно содействовало притуплению в народы нравственного чувства и общему душевному огрублению. Выводная обиды, которую безпомощно переносил русский трудовой народ от власти имущих, также, разумется, сыграла свою роль. Наконец, та усиленная агитация со стороны целой армии политически демагогов, которая непрерывно велась среди народа после падения самодержавия, не могла не расшатать в наиболее слабой и податливой части населения самую низменную страсти. Все эти причины вместе взятая и, впрочем, еще немало других, — все это, подкрепляемое действием спиртных напитков, которыми одно время наводили Россию из сохранившихся запасов, довело некоторую часть народа до того невыносимого состояния, в котором он и совершал поразившие всех нас дикие ужасы.

Но значить ли это, что весь народ русский развратился, что душа его погибла? Никомь образом. В жизни русского народа имеется сейчас, слава Богу, достаточно признаков того, что *жива его душа*. Но все хорошее, истинно доброе, всегда скромно и тихо, и потому эта огромная область народной жизни мало видна тем, кто наблюдает ее только наизу.

Тот, кто любит и потому понимает душу простого русского народа, и кто имеет случай с ним общаться, знает, какая в настоящее время оживленная работа происходит в глубинах народной души, какое великое движение и приток

в самую лучшую, отрадную сторону, совершается в избранных его жизни.

Даже тот, наименее устойчивый элемент, который, с наступлением новизны, совершенно для него непривычен, условий, потерять внутреннее равновесие и принимать участие во всяком, столь шумящем эксцессе, — даже и он в этом отношении не солидарен сам с собой. Во всяком случае России, среди тех самых крестьян, которые учинили погромы и всякия безнравства, замкнуто несомненное недоверие к себе и тем, кто его на это подбивал. Они открыто каются и даже зовут обратно тех самых помещиков, которых они своими неистовствами от себя так недавно выжили. Другие проявляют недовольство собой тем, что им совестно вспомнить о совершенном и что они раздвигаются случаю оказать свое благорасположение пострадавшим от их рук. Одним словом, во всему видно, что раскатывшаяся по многим местностям России погромная волна имела все свойства массового гипнотического повтора, охватывавшего, как заразная эпидемия, целая полосы деревенского населения. И временная aberrация эта никак не выражает общего, обычного настроения сельского люда.

А с разладившим их на эти безобразия агитаторам крестьяне во многих местностях относятся теперь с осуждением и презрением, как видно хотя бы из сложившихся среди народа за последнее время частушек, в которых встречаются такого рода стихи: «Не стелите дьяки, лезь: порохом погудушка, — не любите демократа; с ним одна заботушка». «Отчего Дуныша зазналась? Отчего так нос дерет? В демокрию записалась, с демократичью живет». «Деревенские ребята — настоящие демократы: из-за рюмки подерутся, расцарапаются в кровь!».

Партийная политическая литература, распространенная после переворота в таком громадном количестве, теперь рабочим и крестьянам набилась оскомину, и ее во многих книжных магазинах даже перестали держать за отсутствием покупателей. Ко всяким новым местным выборным организациям и общественным должностям деревенский народ, большей частью, относится недоверчиво или враждебно. Лучшие люди отказываются идти на эти должности, на которые больше всего зарятся и попадают крикуны и самохвалы, а зачастую и бывшие уголовные преступники. Вообще распоряжения, исходящая из этих организаций, сами по себе не внушают населению уважения и во многих местах исполняются только тогда, когда одобряются самими жителями. «Надо самим действовать, а не просить. Не желаем да и только, чтобы нами распорядились. Так начинать высказываться в деревнях даже старые крестьяне». То же замечается и среди фабричных рабочих. На общем собрании рабочих Тульского Оружейного Завода принята резолюция, в которой, между прочим, говорится, что рабочий класс не может взять на себя ответственности за кровавый поход на деревню за хлебом; что ни одного человека рабоче оружейного завода не пошлют воевать против крестьян. Вместо с тем они обращаются к солдатам свободно-революционных войск, к отрядам красной гвардии и другим исполнительным органам советской власти с просьбой не принимать участия в кровавой бойне с деревней». Довольно занимательны словопроения о том, какая власть является властью трудящихся. Мы требуем не власти, а мирного труда — заявляет общее собрание Московского Союза Рабочих по водопроводу и отоплению в своем наказе. И такая проявления потери терпения по отношению к безчисленному количеству новых выборных властей заметны по всей стране. Об этом мало сообщается в газетах, говорящихся преимущественно за сенсационными известиями; но явление это хорошо известно всем, кому непосредственно знакомо действительное настроение крестьянских и рабочих масс. Во всем этом ясно сказывается анархический дух нашего народа, вовсе неготового безпрекословно повиноваться новой власти, хотя бы и самой республиканской. Он здесь проявляет тот, столь свойственный ему прием простого исполнения, который в конце-концов является наиболее естественным и разумным средством борьбы с властью.

Но всего замечательнее в ходившего развития русского народа — это необычайно напряженный в настоящее время всеобщий голод по духовной пище. Казалось бы, что с освобождением от царского деспотизма и введением во всю самых разнообразных форм самоуправления для русского народа должен был наступить период увлечения политикой по примеру западно-европейских рабочих. На противу

1) См. ст. А. Яковлева «Деревенския песни». «Почеловек» 9 апр. 1918.

2) См. ст. «Голос деревни». «Редина» 21 апр. 1918.

3) См. «Молодая Жизнь» 7 июня, 18 с.

4) См. «Раннее Утро» 10 апр. 18 г.

же у нашего народа оказывается, наоборот, полное равнодушие къ политикѣ, къ партійной борьбѣ и къ тому, кто въ данную минуту находится во главѣ правительства. Въ области практической жизни трудовой народъ проявляетъ одно только определенное желаніе—чтобы никто не мешалъ ему по своему заниматься своими собственными дѣлами. Въ области же своего внутреннего сознанія онъ занятъ пытливымъ и настойчивымъ исканіемъ духовнаго смысла жизни. Церковное суевѣріе терять свою власть надъ народнымъ сознаніемъ. Но замѣняется оно не какъ на Западѣ—материализмомъ и невѣріемъ, а похотностью въ разумной релігіи, не противорѣчившей требованіямъ ядраваго смысла. И всѣ тѣ указанія для поведенія и практической жизни, которая вытекаютъ изъ такого духовнаго пониманія жизни, принимаются народомъ со вниманіемъ и доверіемъ, выходя къ себѣ глубокое уваженіе. Объ этомъ уже ничего рѣзительно не пишется въ газетахъ. А между тѣмъ это самое означенное выше и сейчасъ явленіе во всей современной русской действительности.

Неувидительно, что при этихъ условіяхъ писанія Толстого въ настоящую минуту особенно популярны среди народа. Ничто такъ охотно не читается, какъ его книжки и статьи. Надатели не заисуютъ ими въ достаточномъ количествѣ. И гдѣ только онѣ имъ появляются, тотчасъ же возникаетъ всеобщій спросъ на эти таланты. Очевидно, что Толстой даетъ народной душѣ, изголодавшейся по истинной духовной пищѣ, то самое, чего она ищетъ. И это понятно, такъ какъ предлагаетъ онъ не какое-нибудь, вымышленное или самими, новое ученіе, а лишь выражаетъ ясно и сильно то хорошее и истинное, что живетъ въ душѣ каждаго человека и что особенно живо у нашего неизвращеннаго еще ложной культурой народа.

Вотъ это-то явленіе внутренней жизни русскаго народа и указываютъ на то, что жива еще у него душа. И не только жива, но сильна, бодрѣ и стремится къ своему самобытному развитію, несмотря на всѣ встрѣчающіяся на его пути соблазны, хотя многими изъ этихъ соблазновъ онъ временно и уступаетъ. Его способность каяться въ своихъ ошибкахъ и ложныхъ увлеченіяхъ, его рѣшительный отпоръ производимой надъ нимъ политической пропагандѣ, его равнодушіе къ государственной и всякой другой власти, его презрѣніе къ власти иномушамъ и спокойное непослушаніе имъ и, что важнѣе всего, его горячее и упорное стремленіе къ духовному пониманію жизни,—все это служитъ несомненнымъ залогомъ того, что внутренняя жизнь нашего народа развивается въ правильную сторону и что кроется онъ въ своей душѣ великаго возможнаго для будущаго.

Судя по всему этому, русскій народъ несомненно исполнитъ свое назначеніе и внесетъ въ общечеловѣческую жизнь то хорошее, новое, нужное, что онъ одинъ способенъ внести, благодаря особымъ свойствамъ своей душевной природы.

А по сравненію съ этимъ, какими ничтожными представляются всѣ эти страхи передъ какими-то Мирбахами и немцами засильемъ; всѣ эти сожалѣнія о распаденіи географической цѣльности Россійскаго государства и адебаты о томъ, кто будетъ властвовать въ тѣхъ или другихъ областяхъ, раньше часляншихся за русской имперіей.

Въ вѣрахахъ русскаго народа, въ самомъ тайничкѣ народнаго сознанія происходитъ сейчасъ то, передъ чѣмъ меркнетъ вся эта мелочная мірская суета. Въ народѣ происходитъ духовное возрожденіе. И при всѣхъ тѣхъ сложныхъ политическихъ и государственныхъ и глубокомысленныхъ государственныхъ опасеніяхъ, которыя такъ волнуютъ наше культурное общество, незлобно вспоминаются слова Акама изъ «Власти тьмы» Толстого: «А ты, значить, тае, савѣдья пуговница, погоди. Тутъ Божье дѣло идетъ...»

В. Черниковъ.

Москва, 10 мая 1918 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

I.

„Христось большевиновъ“.

Грязная московская улица, растопленная мартовскими лучами солнца. Грязный, обскользкий тротуаръ. У матазина длиннѣйшая очередь, растянувшаяся на нѣсколько домовъ. На одной изъ стѣлъ, около почтового ящика, наклеены афиши, воззванія, декреты. Ожидающіе отъ нечего дѣлать ихъ читаютъ.

Какой-то подростокъ, лѣтъ 19, съ видомъ не то милиционера, не то красногвардейца, читаетъ вслухъ:

— «Въ четвергъ такого то марта, въ помѣщеніи 3-й Московской военной гимназіи состоится лекція въ полдень пролетарскихъ дѣтей, лекція на тему: «Христось большевиновъ», Христось интервенцій терпѣніе, Христось карающий, Христось берущій бичъ».

— Это кто же, родимый, Христось-то икийъ будетъ,—спрашиваетъ сморщенная, бѣдно одѣтая старушка,—Троцкій, или Ленинъ?

— Ну, что ты бабушка! Это про самаго настоящаго Христа.

— Да, да... Какъ же вамъ не добратъся до Христа. До церкви добрались, теперь добирайтесь до Христа. Все ваше!—жестко и злобно откликнется какая-то скромно, но чисто одѣтая женщина.

— Ну а то ваше что ли,—задерно отвѣчая читающій подростокъ.—Тоже зашницца пыскалась. Небось, переодѣвая буржуйка! «Соглашателю».

— Ну, такъ при чемъ же все-таки Христось-то?—слышится другіе голоса.

— А очень просто. Христось за насъ, значить, за большевиновъ. «Придите всѣ труждающіеся». Конечно, онъ былъ за пролетаріатъ. Христось—рабочій Богъ, мужицкій, всѣхъ трудившихся...

Голосъ несется откуда-то издали. Всѣ обернулись. Говоритъ человекъ, одѣтый въ «солдатскую шинель». Лицо не старое, но ишвитое. На ногахъ новыя калоши, на головѣ каракулевая шапка.

Его реплика интересуетъ всѣхъ. Разговоръ дѣлается общимъ, слышится много одновременныхъ голосовъ. Нѣсколько минутъ стоитъ невообразимый шумъ, въ которомъ разобраться трудно.

— Да итъ. Постой, постой! Такъ же нельзя. Лучше по порядку. Ну, кто хочетъ говорить?—беретъ брады правленія какой-то дворникъ.

«Солдата» просятъ приблизиться къ стѣнѣ. Въ качествѣ оппонента выступаетъ какая-то женщина, по общій, прелюда.

— То-есть, какъ же это Христось—рабочій Богъ? Опомнись-ка! Окстись! Законъ Христа для всѣхъ. Христось велѣлъ любить, прощать всѣмъ. Развѣ Христось могъ сказать: иди и бей, хотя бы и буржуя! А теперь что? Какой же тутъ Христось? Это царство антихриста.

— Постой, постой, тетка, не спиши. Во-первыхъ, и Христось сказалъ, что не пришелъ я миръ принести на землю, а мечъ, то-есть борьбу. А во-вторыхъ, ужъ разъ ты говориши—ты должна знать, какъ онъ бичемъ выгонялъ кушечъ изъ храма. Вотъ видиши, противъ кого былъ направленъ его мечъ—противъ буржуевъ. А звалъ къ себѣ онъ всѣхъ—трудившихся, обремененныхъ...

— То-есть это какъ же? По-твоему и Ленинъ, и Троцкій отъ Христа и за Христа, или Христось за нихъ? И красная гвардія, и всѣ эти убійства? Это тоже отъ Христа? Да ты читалъ ли хоть когда-нибудь Христово-то ученіе? Онъ мухи не велѣлъ обидѣть. Онъ людямъ всѣмъ велѣлъ любить братья. Онъ клалъся и запретилъ и запретилъ всякое убійство. А вы-то, нахоса, «Христось большевиновъ!»

Видъ это вотъ недавно я слыжала, одинъ такой же не то анархистъ, не то тоже большевикъ кричитъ—Л. М. Толстой, если бы былъ живъ, то былъ бы съ нами. Онъ—анархистъ. А у самого въ рукахъ револьверъ, а за спиной винтовка. Я и говорю: да ты слыжала ли хоть однимъ-то ухомъ, кто такой Толстой? Толстой-то былъ съ Христомъ, онъ тоже всѣхъ любилъ, даже убійцы не бѣлъ, а вы всѣ изъ людей дѣлаете козлы! Такъ и теперь, Христось большевиновъ! Ну, да, онъ милосердный, и васъ—убійцъ помилуетъ, коли рас-

кается. Теперь же он не только что не с вами, — но вы далеко отошли от учения Христа. И вам не конуствовать, не приплетать Христа надобно к вашим темным убийственным делам, а одуматься бы, да оглядеться. Вот тогда, может быть, вы и поняли бы Христа. А теперь не трогайте! Не касайтесь его чистого грязными, кровавыми руками...

Толпа вся замерла... Молчаніе, вниманіе. Потомъ сочувственные возгласы. Кое-гдѣ крестятся. Слышится: — О, Господи!..

И когда потомъ солдатъ пытался было снова говорить, то раздался общій гулъ:

— Довольно! Будетъ!.. Стыдно! Не желаемъ! Иди къ своимъ большевикамъ и Христа оставь въ покоѣ. Солдатъ смутился и скрылся вновь въ хвостъ...

II.

Въ кинематографѣ.

Сиджу въ кинематографѣ не то третьяго, не то четвертаго разряда. Душно, пыльно, накурено до-нельзя. Публика въ «залѣ ожиданія», — какъ дома: щелкаетъ съмечки, шутитъ, смѣется, громко отпускаетъ забористыя трехэтажныя остроты. Публика самая демократическая — солдаты, рабочіе, работницы съ фабрикъ, домашняя прислуга. Платки, фуражки, крахмальныхъ сорочекъ ни одной.

Мое вниманіе невольно приковывается къ группѣ: два бывшихъ солдата, одинъ бывший красногвардеецъ и матросъ. Люди видавшіе виды, «бывалые». Солдаты были на войнѣ; красногвардеецъ участвовалъ въ возстаніи и во многихъ бояхъ «внутренняго фронта»; матросъ — изъ Севастополя, былъ въ Симферополѣ, гдѣ, какъ онъ громко повѣствуетъ, «избивалъ буржуазію». Въ ожиданіи начала сеанса они дѣлятся впечатлѣніями и вспоминаютъ «минувшіе боевые свои дни». Каждый старается откопать въ памяти что-нибудь очень яркое, забористое. И, перебивая другъ друга, громко, не стѣсняясь они рассказываютъ о своихъ «подвигахъ», словно хвалясь: посмотрите, моль, какой я молодецъ!

Жутко отъ рассказовъ и больно за людей. На лицахъ же рассказчиковъ ни тѣни сомнѣнія и полная увѣренность въ томъ, что все такъ и надо и все «очень хорошо»...

Но вотъ открываются двери... Торопясь и толкая другъ друга, публика хлынула въ зрительный залъ. На экранѣ какая-то «драма». Заглавіе хлесткое: «Во власти дикой страсти»... Ну, думаю, ясно — въ духѣ времени и во вкусѣ «толпы». Такъ это понимается и остальными. Группа изъ четырехъ держится вмѣстѣ и заранѣе смакуетъ картину, стараясь угадать, что ей покажутъ.

Но всѣ ошибаются. Картина неважная, исполненіе тоже, но сюжетъ глубоко волнующій.

Индія. Бѣдный индусъ. Мужъ, жена и маленькая дочь. Мать учитъ малютку молиться:

— «Богъ любить дѣтей и слышитъ ихъ молитвы».

Дѣвочка внимательно внимаетъ словамъ.

Вскорѣ ей этотъ урокъ пригодился. Пропала любимая кошечка — дѣвочка проситъ:

— Боже! Верни мою кошку...

Кошку приноситъ прохожій.

Но идилия смѣняется драмой. Въ Индіи большое возстаніе. Глава семьи — резервистъ. Сборъ резервистовъ. Его призываютъ. Проводы, волнующія сцены прощанія... Индусъ долго, любовно цѣлуетъ жену и не можетъ оторваться отъ дочки. А дѣвочка спрашиваетъ:

— Вѣдь ты же не хочешь, зачѣмъ же идешь? Не ходи! Ты добрый, хороший. А тамъ всѣ дурные и злые. Вѣдь развѣ хорошо убивать? И что они тебѣ сдѣлали? Останься здѣсь съ нами...

Группа затихла. Только тяжелые вздохи. А, вѣдь, и правда — «за что?»..

Я оборачиваюсь и не узнаю выраженія. Нѣтъ самохвальства и самодовольства; смотрятъ простыя, «человѣческія», добрыя лица. Откуда?

На экранѣ продолжаютъ разворачиваться сцены. Отецъ уходитъ. Въ домѣ одиноко и пусто. Мать старается отъ дочери скрыть и наступающую бѣдность и свою душевную муку, тоску. Но дѣвочка чувствуетъ и, оставшись одна, становится на колѣни и молится:

— Боже! Скажи, чтобы люди не убивали другъ друга, и прекрати эту войну. Ты, говорятъ, слышишь молитвы дѣтей. Я прошу Тебя — верни мнѣ моего папу!

— Да! Какъ же, вернуть? — слышится съзади глухое ворчанье матроса.

— Перестань! отвѣчаетъ солдатъ, — вѣдь, такъ-то бываетъ и въ жизни. Только дѣти и знаютъ правду; а мы, вѣдь, какъ звѣри...

Красногвардеецъ сопитъ и молчитъ...

На сценѣ развѣдка... Отца назначаютъ въ нее... Съзади слышатся возгласы:

— А-ахъ-ты! Ну, значить, убьютъ. Ужъ изъ развѣдки не выйдешь! Какъ жалко!

— А можетъ, и не убьютъ, только ранятъ.

— Дай Богъ! А дѣвочка-то, дѣвочка, поди и не знаетъ!

— Да, вотъ она настоящая война. Прямо, какъ въ жизни...

— А что, я, чай, и въ Симферополѣ у «тѣхъ» тоже были, вѣдь, дѣти? — спрашиваетъ матроса одинъ изъ солдатъ.

— Да, были, — грубо бормочетъ матросъ.

— Какія страсти!.. Тоже молились, небось, и они...

— А ну васъ! — И слѣдуетъ громкая, скверная ругань. — Думалъ развлечься, а вы, накося, выматываете душу!..

На экранѣ пальба, наступленіе, бой. Валятся убитые и раненые. Падаетъ и сраженный пулей индусъ. Въ залѣ проносится сдержанный вздохъ.

Обертываюсь къ группѣ. Молчаніе, но на глазахъ у красногвардейца видѣются слезы:

— Какая страсть! Вотъ она, наяр, война!

— А ты думалъ, что же? Конфетка?

— Да... Хорошо, что ушелъ я изъ красной гвардіи... И уже больше туда не пойду.

Индуса поднимаютъ, онъ живъ, но тяжело раненъ.

— Ну, слава Богу! Теперь, значить, вернется домой.

И на глазахъ у тѣхъ, которые только-что, захлебываясь, говорили о подвигахъ «вырѣзанья буржуевъ», самая блаженная улыбка и радость.

Что стало? Подмѣнили людей? Или просто проспунлась живая душа, задавленная и задушенная насилиемъ жизни?..

Громче всѣхъ радуется одинъ изъ солдатъ и бывший красногвардеецъ.

А на экранѣ разворачиваются картины нужды семьи индуса. Дикія приставанія къ его женѣ хозяйина дома; сцены попытокъ насилія.

Но эта группа относится къ нимъ уже не смакуя, а съ нескрываемымъ отвращеніемъ. И когда появляется снова индусъ и укрощаетъ насильника, группа

шумно выражает восторг перед «восторжествовавшей правдой».

Молчала и была мрачен матрось...

Сеанс окончился. Из душной накуренной залы публика выходит на улицу. Я пошел вслед за группой. Меня интересовала она. Будут ли говорить, станут ли делиться впечатлениями от пережитого?..

Вышли. Солдат было немало, но матрось перебил:

Ну нас, не хочу я, довольно! Идемте в трактир. Хочу гулять. Сашка, запывай!

Сашка запел бравурную нецензурную песню; все подхватили, пошли..

III.

Около трамвая.

На площади у остановки трамвая—толкучка; ждут вагонов, и многие стоят уже по нескольку часов. Иным надождать ждать,—и, безнадежно махнув рукой, они рѣшают, что лучше и вѣрнее идти пѣшком.

Прождав сь полчаса, пошел и я, вмѣстѣ со мною—молодой мужчина въ формѣ служащаго городского трамвая.

Идемъ, разговариваемъ.

— Вы, что же,—спрашиваетъ меня мой спутникъ,—московскій или прѣздскій?

— Нѣтъ, я только временно въ Москвѣ.

Онъ оглянулъ меня съ головы до ногъ и спросилъ:

— Чѣмъ же занимаетесь: по торговой части? Теперь многие торгуютъ, выгодное занятіе...

— Нѣтъ, я не торгую. Я здѣсь работаю при одномъ издательствѣ и участвую въ распространѣніи писаній Толстого.

— А - а? По книжной, значить, части. Вотъ Толстого-то это очень хорошо. Хорошія и нужныя книжки; полезное, настоящее ваше дѣло.

— Да, я тоже такъ думаю, и думаю еще, что особенно нужно это теперь.

Онъ насторожился, какъ-то искоса взглянулъ и проговорилъ:

— Это почему же «особенно»? Чѣмъ же вы такъ недовольны теперешнимъ временемъ? А по-моему, оно очень хорошо.

Я прислушался къ тону голоса, тоже посмотрѣлъ на него и спокойно продолжалъ:

— Я считаю, что распространѣніе писаній Л. Н. Толстого важно особенно *теперь* потому, что именно теперь всюду царятъ откровенныя насиліе, вражда и злобность, и людямъ необходимо одуматься и пересмотрѣть, правильно ли они разсуждаютъ и дѣлаютъ. Писанія же Л. Н-ча, по моему, лучше, чѣмъ какія-нибудь другія, помогутъ имъ разобраться въ этомъ. А теперь позвольте спросить и васъ—вы-то почему такъ защищаете теперешніе дни?

— Да какъ же ихъ не защищать? Наконецъ-то настала власть настоящихъ социалистовъ; правитъ трудящійся пролетаріатъ. Довольно на насъ повѣдали.

— Ну такъ что же, а теперь вы хотите повѣдигъ на другихъ? Въ этомъ, что ли, вы видите хорошее, или въ чѣмъ другомъ?

Онъ сдѣлался серьезнымъ.

— Нѣтъ, товарищ! Я такъ не смотрю. Я хотя и за большевиковъ, но я не большевикъ и не скрываю, что много къ нимъ примазалось людей и грязныхъ и нечистоплотныхъ. И мнѣ обидно, что все видятъ ихъ, а всего другого, хорошаго не замѣчаютъ.

— Напрасно вы это думаете. Многие и хотять ви-

дѣть и видятъ, но согласитесь, что самый способъ пріединенія этого хорошаго отталкиваетъ людей: насиліе, разстрѣлы, угнетеніе, штыки. Довольно натерѣлись ужъ этихъ прелестей при самодержавіи, и повторенія ихъ и не хотѣлось бы. Вотъ вы сами говорите, что къ вамъ примазалось и присосалось много разной накли и грязи. Ну, такъ вы и освободитесь отъ нея илч, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте попытку, а то что-то не видно. Мысли-то и намѣренія, можетъ-быть, и хорошія, а способъ выполненія—насиліе или обманъ, путемъ широкихъ, но явно не выполнимыхъ обѣщаній.

— Нѣтъ! не говорите. Такъ судить нельзя. Мы работаемъ. Вотъ, на примѣръ, я состою въ комитетѣ городскихъ трамваевъ,—мы, рабочіе, взяли все дѣло въ свои руки, и если бы не мы, то трамвай давно бы уже всталъ. Старая Дума намѣренно вела къ разстройству, не чиня вагоновъ, не давая угля.

— Я этого не знаю и не буду спорить. Конечно, если старая Дума дѣлала такъ, какъ вы говорите, то хвалить ее нельзя; и кто же будетъ спорить противъ контроля? Контроль необходимъ. Но только для завѣдыванія дѣломъ нужно и пониженіе его. Вотъ скажите, вы сами чувствуете себя способнымъ къ такому управленію?

— Нѣтъ! Но, вѣдь, намъ никто не помогаетъ...

— Ну, а вы хотѣли бы этой помощи, независимо отъ того, кто ее намъ предложитъ, или же будете дѣлать различіе: «буржуй» или не «буржуй»? Я очень былъ бы радъ, если бы завѣдываніе всѣмъ дѣлами, а не только трамваями, перешло въ руки дѣйствительно трудящихся; но я боюсь, что не все трудящіяся къ этому подготовлены и на это способны. Вотъ вы-то, выбирая изъ своей среды, чѣмъ руководились? Неужели только тѣмъ, что онъ не «буржуй»?

— Ну, такъ что же, по вашему, надо идти имъ кланяться? Нѣтъ, этого не будетъ; справимся и сами. А «буржуямъ»—всѣмъ капутъ.

— Куда же ихъ? Всѣхъ вырѣжете, что ли?

— Нѣтъ. Зачѣмъ обязательно вырѣзать. Попробуемъ прижать. Ну, а если не образумятся, то пусть уже винятъ самихъ себя...

— Все это хорошо, но, прижимая «буржуевъ», какъ вы ихъ зовете, не прижимаете ли вы полутно и весь бѣдный людъ? Вотъ вы теперь завѣдуете управленіемъ трамваями и, хотя и сознаете сами, что вы неопытны, несвѣдуны, продолжаете это дѣлать и упорно не пускаете ни одного «буржуя», хотя бы трамвайное дѣло и погнбло. Но, вѣдь, вагоновъ становитея все меньше и меньше. Вотъ мы съ вами простояли около полчаса, да такъ и не дождались, и сколько еще народу тоже стоитъ подолгу и ждетъ. И, вѣдь, среди нихъ добрая половина не буржуевъ. И если такъ будетъ продолжаться, то трамвай вовсе скоро станетъ. Кто же отъ этого проиграетъ? Бѣдный людъ!

Я думаю, что такъ же и въ другихъ специальныхъ областяхъ. И честность управленія и стремленіе обслужить въ первую очередь и, главнымъ образомъ, интересы «трудящихся людей»—все это очень хорошо, и за этимъ пойдутъ многие. Но надо еще и умѣнье это дѣлать. А главное, нельзя же дѣлать весь мѣръ на два различныхъ класса—«буржуй» и «не буржуй». Кто проведетъ границу, гдѣ различіе? И почему, на примѣръ, я буржуй, а не вы, или наоборотъ?

— Ну, какіе мы-то съ вами буржуи!

— А почему же вы думаете, что вы не буржуй?...

— Я—трудящійся.

— Что же вы дѣлаете, въ чѣмъ вашъ трудъ?

— Я членъ комитета. Былаю въ засѣданіяхъ, захожу въ комиссію.

— Прекрасно. А разве, например, директор какого-нибудь завода, не говоря уже о более мелких служащих, не бывает в заседаниях и не входит в различные комиссии. Однако, это — буржуа!

— Да. Но я в комитет лишь недавно, а раньше я был вагоновожатым.

— А почему вы знаете, давно ли он стал директором завода и чем был раньше? Да и главное не в этом. Ведь теперь по какому признаку стали определять: чисто одеть, вот и «буржуа», а раз «буржуа», то — жми его, дави. И вы посмотрите сколько в буржуа пошло и трудящихся людей.

— Так как же, по вашему, надо теперь делать?

— Да я уже не знаю, но мне думается, что надо бы почаще помнить, что не давом и насилем можно установить хорошее и побольше бы уважать в каждом человека. Вместо любви и снисходительности друг к другу провозглашена борьба. Хватай! Ржи, захватывай. Все можно, все позволено... Неужели вы думаете, что таким путем можно установить лучшую жизнь?

Мой спутник замолчал. Мы подошли к новой остановке.

Вдруг, промолчав несколько минут, он вдруг остановился, взяв меня за руку и спросил:

— Нив этих книжках, что вы распространяете, все это есть?

— Ах! Что вы! Там гораздо больше и лучше. А вы никогда и ничего не читали из писаний Л. Н. Толстого?

— Нет, читал рассказы и сказки, а серьезного не приходилось.

— Так вы прочтите. Я очень жалю, что со мной нет сейчас брошюр. Но и скажу вам, где вы их можете добыть.

И я указал подробный адрес.

Он вынул записную книжку, записал, потом крепко пожал мне руку, мы расстались...

К. Н.

Интеллигенция и народ.

В России, между тем, в большей или меньшей степени образованными людьми, которых принято называть интеллигенцией, и простым народом истинно существует глубокая пропасть.

Пропасть эта сыграла двойную роль по отношению к народу: с одной стороны она послушала ему на благо, но с другой — причинила ему и немало вреда.

На пользу народа было то, что, благодаря этой разрозненности, западная культура, которую пропитана наша интеллигенция, до сих пор не овладела еще сознанием нашего простого народа.

На ложное направление западно-европейской культуры давно уже указывали многие из наших наиболее проникновенных мыслителей. В особенности Толстой с безоглядной смелостью разоблачал злочредность этой культуры и вообще полную несостоятельность того, что теперь принято называть наукой. При его жизни приверженцы современной науки не только не соглашались с ним, но старались замалчивать его выступления по этому предмету. С тех пор, однако, сама жизнь из этой области, как и во многих других, так неопровержимо подтверждает слова Толстого, что не соглашаться с ним можно лишь временно, что не скрывать глаза на современные события и не видеть, до какой степени далеко произошло сейчас среди европейских народов отрывание от них сознания от той культуры, на которой основана их жизнь.

В общем внутреннее сознание нашего русского народа, по крайней мере в его преобладающей, действительной массе, до сих пор развивалось самоотлично, без вмешательства образованной среды. В этом и заключалась выгода для народа сторона той глубокой пропасти, которая лежала между ним и нашей интеллигенцией.

Вместе с тем разделение это имело и свое пагубное значение в том, что, благодаря ему, большая часть нашей интеллигентной среды вовсе не знала и не понимала простого русского народа. Особенной беды для народа от этого еще не было бы, если бы интеллигенция была не только духовно, но и физически вполне оторвана от народа, и если бы ее деятельность не с какой стороны не отражалась на его жизни. Но горе в том, что, несмотря на всю свою душевную оторванность от народа, интеллигенция имела возможность вмешиваться в его жизнь и навязывать ему свою волю, что она и делала, считая себя его учителем и руководителем.

Но хотя и не стесняясь насильственно вторгаться в жизнь трудового народа, наша интеллигенция по всему складу своего развития всегда была, за редкими исключениями, слишком ему чужда для того, чтобы понимать его внутреннюю жизнь, считаться с его душой, удовлетворить его действительными стремлениями, даже если бы она этого желала. На самом же деле она и не видела в этом никакой нужды.

Когда вопрос шел о том, следует ли прибегнуть к своеобразным потребностям самого народа, то большинство даже самых свободомыслящих представителей образованной среды считали необходимым, как они привыкли выражаться, «поднимать» народ на предполагаемую высоту своего культурного просвещения, а не конусател до уровня народного невежества. Естественно, что с таким взглядом наша интеллигенция была убеждена в том, что, пока народ не успевал еще ее жить-стопонимания, ему надлежит соблюдать ее руководству. А так как она никогда не проявляла склонности добровольно следовать ее руководству, то для этой цели интеллигенция приходилось пользоваться государственным насильем, благо она, такое в отличие от простого русского народа, твердо верила в государственное начало.

В этом принудительном воздействии на народ с одной стороны совершенно не понимавшей его среды и заключалось крайне невыгодное для него последствие той глубокой пропасти, которая всегда отделяла интеллигенцию от народа.

За последние годы, в связи с современными мировыми событиями, сама жизнь выдвинула особенно яркое проявление этого полного непонимания и вместе с тем крайне своеобразного отношения русской интеллигенции к народу.

В 1914 году вместе с Николаем II и другими демонстрантами наша интеллигенция, во главе общественных деятелей, представителей литературы и почти всех вообще сколько-нибудь образованных людей, решила, что русскому народу нужно воювать с Германией. Считая себя руководителем народа, интеллигенция не сочла нужным спросить о том, как относится к этому сам народ. Уверенная в том, как относится к этому сам народ, то того же мнения должны быть и народ, она считала, что если он и думает иначе, то только по своей необразованности, и что из такого случая он должен подчиниться ей, интеллигенции, тем более, что в этом вопросе она была заодно с государственной властью. Недогадывая о том, будто русский трудовой народ желал объявления войны, а затем ее продолжения до победного конца, держалось среди интеллигенции во время царского строя благодаря тому, что никому не было тогда дозволено во всеулышание заявлять правду о том, что народ против войны и желает ее немедленного прекращения во что бы то ни стало.

На замечательно то, что даже перешла в республиканские руки, — правительство, составленное хотя и из новых людей, но все же вышедших из той же интеллигентной среды, — так же не подумало спросить о том, действительно ли сам народ желает продолжения войны. Демократическое правительство так же самоуверенно и самоуверенно, как и самодержавное, признало за благо продолжение войны и повелело русскому народу продолжать войну.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Наряду, dotato безгласный, стал, к изумлению всех, провозгласить свою собственную волю.

С внешней стороны этому пробуждению народной самостоятельности способствовало несколько обстоятельств. Временное правительство, думая, как и вся остальная наша интеллигенция, что народ согласен с тем, что продолжение войны необходимо, пообразовало себя, что при помощи, свободном отрофе ите надобности подерживать в войсках такую строгую дисциплину, к какой привыкла царская власть. Поэтому дисциплинарные требования в войсках были значи-

тельно ослаблена. Вместе с тем, с удалением царя исчез тот центральный предмет, на который были устремлены все взоры и на котором сосредоточивался гипнотический дурман, столь необходимый для поддержания в армии воинственного духа. А благодаря оказавшемуся у солдат от мене напряженных занятий и некоторому досугу, они естественно стали размышлять и отдавать себе отчет в своем положении.

Неудивительно, что при этом солдаты стали тяготиться своей ролью пушечного мяса. С первым пробуждением в них человеческого сознания, они начали открыто проявлять свое отвращение к тому бессмысленному и отвратительному делу, в которое были вовлечены. Наступил период так называемого «братания», вылившийся в продолжительное неофициальное перемирие по всему нашему фронту. Несмотря на запрещение начальством братания, войска наши и после того продолжали своим поведением так или иначе выражать свое нежелание продолжать войну. Правительство, опять-таки не имевшее, как и вообще наша интеллигенция, ни малейшего представления о том, что действительно происходило в душах русского народа, решило, что этот протест в войсках является плодом злоумышленной пропаганды. На самом же деле протест этот выражал общее настроение, естественно проявившееся в войсках, лишь только они оказались более свободными от гипнотического воздействия; и если пропаганда против войны, там, где она имела место, была успешна, то единственно потому, что встречала готовую почву.

Исходя из своего представления о том, что миролюбивая стремления среди русских войск навязаны со стороны, наше близорукое «интеллигентное» правительство вообразило себе, что, подвергнув войска старому патристическому гипнозу с прибавлением лозунга о спасении «свободы», оно сможет вернуть армию на прежний путь безпрекословного повиновения. И когда патристическое безумие было мѣстами мигнуло вновь подорвано пламенными рѣчами разбѣжавших на автомобилях министров, — то правительство, пресса и вся интеллигенция стали утешать себя тем, что дело налажено.

В действительности, конечно, этот «подъем» был только последней открыткой старого дурмана, и под вершилось послѣдовавшим немедленно затѣм отступлением посланных вперед частей. В войскахъ стали повсемѣстно усиливаться глухой отпоръ против наступательной войны; и это заставило, наконец, и начальство признать невозможным наступление при такомъ состояннн армнн. Позже протестъ против войны сталъ проявляться даже сознательнымъ отступлениемъ передъ надвигающимся непрнѣтелемъ и, мѣстами, — почти поголовнымъ дезертирствомъ.

Все это однако не раскрыло глаза нашей интеллигенции на действительное положенне вещей. Представители государственной власти, пресса и культурное общество пришли въ неистовство и, все такъ же не понимая, что имѣютъ дѣло съ определеннымъ нежеланиемъ народныхъ и солдатскихъ массъ продолжать войну, принялись вслѣдствн бранить «непослушныхъ» солдатъ, стараясь смѣшать съ грязью ихъ порывы къ независимости. Приказы военного начальства стали изобиловать самыми оскорбительными эпитетами и даже площадной руганью по адресу солдатъ, не желавшихъ продолжать воевать.

Интеллигенция и Временное Правительство не сумели понять и оценить то громадное значенне, совершенно новое въ исторнн человечества, явленне, которое на нашихъ глазахъ внезапно вспорхало въ дѣло веденнн войны; а именно — возможность зарожденнн среди одной изъ борющихся сторонъ сознательнаго массоваго непослушаннн начальству. До сих поръ беззласные и покорные солдаты-автоматы неожиданно стали превращаться въ живыхъ людей, дающихъ волю своимъ собственнымъ стремленнмъ и потому не скрывающихъ свое нежеланне продолжать безпрекословно участвовать въ уничтоженнн своей и чужой жизни. И вмѣсто того, чтобы признать это въ высшей степени знаменательное пробужденне свободнаго духа среди прежде одурманенныхъ рабовъ, наша правительственная и неправительственная интеллигенция стала приписывать то, что происходило въ войскахъ, самымъ сквернымъ побужденнмъ: трусости, податливости зловерной агнтации, изжннн, стремленню къ внутренней, междоусобной войнѣ, желанню грабить и насиловать своихъ русскихъ мирныхъ жителей и другимъ самымъ низменнымъ инстинктамъ, которые только мѣстами проявлялись среди наиболее развращенной войннн и озичавшей части нашихъ войскъ.

Въ то время, какъ русский народъ показалъ свою душевную мощь, побѣдивъ своихъ враговъ и своихъ союзниковъ темъ, что одинъ, раньше ихъ всѣхъ, пересталъ участвовать въ охватившемъ европейске народы массовомъ безумнн, — интеллигенция наша, вмѣсто того, чтобы радоваться этой выпавшей на долю Росснн почетной роли, стала кричать, что Росснн пропала.

Близорукая русская интеллигенция, не ужасавшаяся тому, что люди вообще убиваютъ другъ друга, стала ужасаться тому, что они, какъ ей казалось, готовятся убивать не тѣхъ, кого

полагается. Человѣкъ изготовилъ и пустилъ въ ходъ адскую машину съ часовымъ механизмомъ. Черезъ определенное время она должна взорваться и разрушнть все окружающее. Онъ пѣхлъ ее упрятать въ трюмъ корабля, на которомъ долженъ быть пущенъ въ плаванне его врагъ; а самъ отправился въ другую сторону на другомъ кораблѣ. Въ пути у него возникаетъ сомнѣнне: не помѣщена ли его адская машина, по ошибкѣ, въ его корабль. И думая о томъ, что вотъ-вотъ его самого можетъ взорвать на воздухъ, онъ ужасается. Но ужасается не тому, что изготовилъ адскую машину, а тому, что она помещена не туда, куда онъ хотѣлъ. Такъ и съ нашей интеллигенцнн, научившей народъ убивать на войнѣ и натравливающей его на нѣмцевъ. Теперь она ужасается не тому, что, оправдывая и поддеживая трехлѣтнюю войну, она обратила народъ въ дикаго звѣря, а тому, что звѣрь этотъ, чего добраго, въстаетъ того, на кого она его наускивала, вдругъ повернется и набросится на нее.

В. Чертковъ.

(Продолженне слѣдуетъ).

Безумнн звѣря.

Что ни день, то новые казни и расстрѣлы. Шестой уже мѣсяцъ продолжается внутренняя боинн, уже за сотни тысячъ перевалило число жертвъ, и еще нѣтъ конца и даже нѣтъ просвѣта.

Словно куда-то исчезли все лучшнн чувства и лучшнн стороны человеческой души. Конечно, онѣ живы, конечно, есть и люди, видящие и чувствующие всю эту мерзость, но очевидно, еще мало ихъ, но очевидно, тонетъ ихъ слабый голосъ въ этомъ морѣ крови и разгула.

Что сдѣлали съ народомъ, что сдѣлали съ «людьми»? Три съ половиной года вѣшней боинн, теперь полгода внутренней «классовой борьбы», и въ результатѣ люди «озвѣрили».

— Да развѣ это люди, это звѣри, — говоритъ, по словамъ Крюкова, старикъ-казакъ о казакахъ-фронтовикахъ, вернувшихся въ станицы, — отца роднаго и того не признаютъ.

— Нѣтъ, гдѣ уже намъ разобратъсь по хорошему весной. Не тѣ мы стали. Понавелили оружнн, каждый мальчишка ходитъ съ револьверомъ, чуть — что, кричитъ «убью», — заявляетъ крестьяннн орловскому корреспонденту «Родннн».

И такихъ случаевъ, и такихъ свидѣтельствъ можно было бы подобрать десятки. Всѣ стоятъ, всѣ кричатъ: нельзя терпѣть, нельзя такъ жить, довольно крови!

Но именно въ этомъ-то крикѣ, въ этомъ-то протестѣ и скрывается то, что называется «душою». Какъ долго и старательно мы калѣчили людей, но убить въ нихъ «образа Божьяго», конечно, не смогли. И возмущенная совѣсть протестуетъ. Ея протесты пока еще слабы, — но и теперь все больше и больше уже раскрываются глаза на все безумнн и весь обманъ. «Самодержавнн» свергнуто, но вмѣсто него воцарилась «диктатура». Съ тѣмъ же прѣмемъ, съ тѣмъ же насилнмъ, съ такими же потоками злодѣйствъ и крови. Все это прикрывалось громкими словами, и эти слова и «лозунги» гипнотизировали и обманывали людей. Но безусловно, рано или поздно, вскроется обманъ, и онъ даже уже началъ раскрываться, и люди поймутъ, что не насилнмъ и злобой утверждается лучшее «царство на землѣ».

А пока?... Пока бунтуетъ злоба. И стннетъ въ жилахъ кровь, и мучительно трепещетъ сердце при видѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, на которые сталъ способенъ «человѣкъ».

«Гражданская» — война въ Финлянднн. Вся страна подѣлилась на «бѣлыхъ» и на «красныхъ». Съ усерднмъ, достойнымъ лучшей участи, бѣлые и красные въ теченне нѣсколькихъ мѣсяцевъ уничтожаютъ одинъ другого. «Бѣлымъ» при помощи германцевъ, одержана «побѣда». И что же они дѣлаютъ?

Въ первую очередь раздается возгласъ: бей всѣхъ русскихъ. И всѣхъ, безъ различнн возраста и пола, въ Выборгѣ хватаютъ и «проставляютъ къ стѣнкѣ».

Въ «Новой Жизнн» приводятся списки расстрѣлянныхъ, и среди нихъ, о, ужасъ, о позоръ, и 60-лѣтнн старцы и даже 8 и 10 лѣтнн дѣти, вся вина которыхъ въ томъ, что они попались на глаза «безумнншему звѣрю».

Въ Москвѣ, въ революцннномъ трибуналѣ идетъ судъ надъ бывшимъ «народнымъ комиссаромъ», матросомъ Дыбенко. И на судѣ вырывается такая, одна изъ многихъ, незабываемая сцена.

Нарва. Въ городѣ прибылъ «воевать съ нѣмцами» Дыбенковский отрядъ. А пока «искореняетъ» «контр-революцннеровъ». На вокзалѣ охрана задержала какихъ-то двухъ солдатъ. У нихъ не въ порядкѣ документы; это кажется подозрительнымъ охранѣ; ихъ тащатъ къ нѣкому Годлевскому, помощнику Дыбенко, и тотъ рѣшаетъ:

Расстрѣлять!

Солдаты же въ это время окружаютъ матросовъ ихъ отряда.

чь ними говорить. И приходится из убеждения, что надо сначала разобраться.

И вот Голленский отдаёт приказ о расстреле двух несчастных, — но... не находит исполнителей. «Думаю еще нова даже и их привоших из ушедших матросах. Они отказываются исполнить дело палачей. Тогда Голленский куда-то исчезает и начинается поиск тех добровольцев, которые согласны бы сдать это злое дело. Проходит много времени. Наконец, приходят два матроса: они согласны.

Вь окружающей преступничества толпе негодование и ропот. Но доведённые до азёрства не знают социальна.

Раздается команда: разступитесь! Отойти на 15 шагов. «Притворившись падают перед палачами на колени и минуте 10 молят о пощаде...

У многих слезы: жива еще душа.

Но у этих двух, не менее несчастных, чьмъ тѣ, которыхъ убиваютъ, она очевидно умерла.

Раздается выстрел... Все кончено... Одинъ изъ убийцъ подохнуть, добываетъ...

И въ революционномъ трибунале судья слушаетъ свидетельства и спокойно заноситъ это показаніе... Одно изъ многихъ!...

Но, можетъ быть, и въ нихъ проснется человекъ! Но можетъ быть и они сознаютъ, какое страшное творится дело, и что не революционнымъ трибуналомъ можно возродить изъ азѣры человека...

А пока?... Пока судья, выносите такимъ же, какъ они, людямъ приговора смертной казни. Такъ было въ Ростове, такъ было въ Гельсингфорсе; такъ было въ несколькихъ другихъ мѣстахъ.

Нашъ даже и проще: не суды, а постановленія казнь-то особыхъ, чрезвычайныхъ комиссій, состоящихъ тоже, надо думать, изъ людей.

И вотъ «работаетъ».

Въ «Извѣстіяхъ Центрального Комитета» въ N отъ 16 мая напечатано:

«Въ ночь на 14-ое мая поступило сообщеніе, что на Тверскомъ бульварѣ готовится вооруженная налетъ. Были посланы отрядъ чрезвычайной комисси, который и задержалъ Ив. Ив. Мухоморова и Серг. Фил. Филиппова. При обыскѣ у нихъ отобраны револьверы и бомбы».

Въ виду явного преступления, председателемъ Всероссийской чрезвычайной Комисси было отдано распоряженіе о расстреле арестованныхъ, что и было немедленно приведено въ исполненіе отрядомъ...

Поймана. Убили. И кажутся, что сдѣлали все быстро, очень ловко. А ни у кого изъ исполнителей не шевельнулась мысль, что побивать казнями даже признанную грѣшницу когда то означалось тѣ, кто были съ ми не безгрѣшна.

Теперь не то. Теперь очевидно всё чисто, и ни на комъ нѣтъ ни убійства, ни грабежей, ни кражи...

А возмущенная совѣсть протестуетъ. А изъ глубины души несетъ выстраданный крикъ!

Да нѣтъ же! Не можетъ и не должно же быть, чтобы казнь была силой человека. Душа живая, — и она будетъ жить, какъ бы ее ни ушатали.

К. И.

Май, 1918 г.

Б р а т ь я .

Ихъ было двое: юношей — милыхъ, добрыхъ, ясныхъ, Душой, какъ весеннее небо, чистыхъ, прекрасныхъ.

Одинъ былъ рабочий. Среди шума станковъ Онъ страстно мечталъ о великомъ днѣ сверженія оловъ.

Царей Самодержцевъ и Царя-Капитала.

Другой былъ студентъ. Взоръ, отъ книги усталый, Онъ жадно впиралъ въ тотъ грядущій день, когда могучія крылья

Орла Свободы разорвутъ пропавша съти насилья, Когда надъ измученной душою народа Радостно затрепещетъ ослѣдое знамя свободы!

Въ ихъ юныхъ сердцахъ голоса свободы, братства торжественно пѣли.

Всю душу, всю душу положить они оба за народное счастье котѣли.

И пришла свобода!

Мартъ свободы, Апрель, Май свободы —

Но все льется, все льется въ азѣрныхъ божь кровь народа.

Июль свободы — и это кровавое, безумное олять на-

ступленце!

Снова снова народа, жаждущаго міра, безумное озѣренце!

И пришелъ день Октября — и новая кровь, — Дни Октября,

Когда ручьями крови этихъ юношей залилася свобода заря!

Днемъ и ночью непрекращающійся подлый трескъ ружей, азѣринный ревъ орудія.

Это расстрѣливаютъ на улицахъ другъ друга русскіе, свободные братья люди.

И кровавые дни, и кровавые ночи полны братоубійственныхныхъ преступлений.

Вотъ изъ-за угловъ, въ вечерней мглѣ, какъ подстерегающіе азѣры, крадутся дѣвѣ тѣни.

Это юноша — братъ рабочій на брата студента въ безумномъ бою

Винтовку наводитъ свою.

Это братъ студентъ на брата рабочего ружье свое поднимаетъ

И пулю въ рабочую грудь посылаетъ.

Ихъ трупы на зарѣ, въ лужахъ крови, въ грязи подобраны.

Черныя отверстія въ сердцахъ и въ черепѣ съ кусками мозга згляли.

Эти черныя отверстія они — бѣдные, безумные юноши другъ другу своими молодыми руками въ юномъ мозгу пробияли!

Въ подвалѣ университета ихъ ограбленные, ихъ раздутые трупы рядомъ сложили.

И лежатъ они рядомъ, и запершія ихъ раны такъ страшно чернѣютъ!

А лица ихъ совсѣмъ точно ослѣднія дѣтскія лица въ полумракѣ подвала оляютъ.

И лежатъ они рядомъ, бѣдные, милые, юные замученные братья...

И вотъ-вотъ, кажется, они проснутся и протянутъ другъ другу объятья

И скажутъ: «Какъ это случилось?!

Вѣдь одной любовью, одной свободой наше сердце, какъ одно, билось!

Для одного великаго братства, для одной великой любви мы въ міръ посланы были.

И, какъ палачи, другъ друга мы жизни, великой жизни лишили!»

И. Горбуновъ-Посадевъ.

4 Апрель 1918 г.

Обмѣнъ мыслей.

Отъ позытителя московскихъ тюремъ.

12 марта 1918 г.

Подъ впечатліемъ чтенія «Фальшиваго Купона» мнѣ особенно ярко представились тѣ люди, которыхъ я посѣтилъ въ тюрьмѣ.

Въ рассказѣ описано какъ сравнительно ничтожный грѣхъ—исправление цифръ на купонѣ,—все сильнѣе и сильнѣе разрастается, разросся до убійства нѣсколькихъ человѣкъ, грѣха чрезвычайно тяжкаго, и не встрѣться Степанъ съ человѣкомъ—христианиномъ, можетъ быть грѣхъ принялъ бы еще большіе размѣры.

Бесѣдуя въ тюрьмѣ съ арестантами, я вижу, что среди нихъ есть много начитанныхъ, любящихъ читать и думать, умѣющихъ хорошо говорить.

Они часто откровенно говорятъ о своихъ преступленіяхъ, и одинъ изъ нихъ, убійца своей жены, на вопросъ мой, раскаивается ли онъ въ своемъ проступкѣ, положительно заявилъ: «понятно, развѣ я могъ бы это сдѣлать, не будучи и пьянъ и разстроенъ, вѣдь у меня остались дѣти, и теперь я не знаю, что съ ними». Сказальное это совершенно искренно, со слезами на глазахъ.

Все они, живя въ одной камерѣ по 20—18 человѣкъ, живутъ ладно и говорятъ, что здѣсь мы не ссоримся, вничего дѣлать-то здѣсь намъ.

Очень любятъ слушать чтеніе и весьма радуются, когда заходятъ къ нимъ и всегда просятъ посѣщать ихъ.

Бесѣды съ ними по большей части интересны, искренни и теплы, и всегда, уходя изъ тюрьмы, уносите самое отрадное чувство: доставленнаго отверженнаго удовольствія.

Теперь, вслушиваясь въ рассказъ «Фальшивый Купонъ» и невольно припоминая арестантовъ, ихъ разговоры, мысли и разсужденія, мнѣ особенно становится ясно, что наказанія не достигаютъ цѣли; они не исправляютъ преступника, а напротивъ еще болѣе развращаютъ его; не ограждаютъ общество отъ преступниковъ, такъ какъ тюрьмы выпускаютъ ежедневно преступниковъ еще болѣе развращенныхъ, чѣмъ эти же преступники были до тюрьмы.

Казалось бы ясно, что единственное средство избавленія отъ преступности это—прощеніе.

Но чтобы простить вора, убійцу и всякаго иного насильника, надо въ себѣ разжечь огонь, горѣть этимъ огнемъ и сгорать отъ этого огня; онъ и освѣщаетъ тьму и согреваетъ холодъ. Этотъ огонь—сознаніе жизни; огонь любви, о которой Христосъ сказалъ: «огонь пришелъ я низвести на землю и какъ бы я желалъ, чтобы онъ возгорѣлся».

Люди! Въ наше кровавое время старайтесь въ себѣ разжечь этотъ огонь; бросьте насилія, ибо насилія насиліемъ не уничтожишь.

Забудьте о судахъ и судьяхъ, которые разбирали ваши неприятности и заточали въ тюрьмы людей часто слабыхъ характеромъ и большаго душою.

Судьи вѣдь тоже преступники, ибо нанимаются исполнять такое дѣло, какъ осужденіе себѣ подобныхъ грѣшныхъ людей.

Люди, не обращайтесь ни къ судамъ, ни къ судьямъ, ибо они развращаютъ жизнь; но прощайте обижавшихъ васъ, благословляйте проклинавшихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, это единственный способъ обновленія жизни, иного пути нѣтъ.

Не презирайте заключенныхъ, отверженныхъ людей, знайте, что они, можетъ быть, въ застѣнкѣ по нашей винѣ, ибо нашъ малый грѣхъ можетъ заразить другихъ и разрастись въ большій грѣхъ въ душѣ другого.

Большая любовь! Ненависти довольно! Будемъ бороться съ ней любовью!

Забудемъ политическіе разговоры, въ нихъ нѣтъ ни правды, ни любви.

А. Турчаниновъ.

Изъ Финляндіи.

Апрѣль 1918 г.

«Единенія» послѣ 5-го номера мы здѣсь болѣе не получали. Это очень жаль. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима проповѣдь мира и любви къ ближнему, необходима ослабить резульаты социалистической пропаганды ненависти, борьбы и грубого материализма, иначе мы все скоро превратимся въ зѣврей и утратимъ человѣчскій обликъ.

Но и въ текущей иррациональной дѣйствительности можно уловить нѣкоторые лучи свѣтлаго будущаго. Правда, эти моменты пока имѣютъ чисто отрицательный смыслъ, но спасеніе не дости-

гается безъ покаянія, т.-е. безъ отрицанія прежнихъ цѣнностей и всего «ветхаго» человѣка.

Правда, внутри Россіи еще продолжается междоусобная война, еще удастся натравливать людей другъ на друга, призывая къ убійству ближняго ради защиты социалистическаго отечества и спасенія революціи, но это несомнѣнно пройдетъ, да и сейчасъ, несмотря на заманчивыя условія, добровольныхъ охотниковъ принимать участіе въ убійствахъ находится немного.

Многіе также приходятъ въ уныніе по поводу разрушенія культурныхъ цѣнностей. Но мы присутствуемъ сейчасъ и сами захвачены огромнымъ стихійнымъ движеніемъ, смысломъ и значеніемъ котораго оцѣнить и понять не можемъ. Во время широкаго разлива рѣки вода можетъ снести школу, больницу, огороды и сады. Можно конечно скорбѣть о томъ людямъ, которые были связаны съ этой школой, съ этимъ садомъ; для нихъ во всемъ этомъ видно одно только бессмысленное разрушеніе, но съ другой стороны,—разливъ воды заключаетъ въ себѣ великія возможности гораздо лучшей культуры въ будущемъ, которыхъ мы теперь конечно неспособны видѣть и можемъ только предугадывать.

Еще скорбятъ и жалуются на страданія, выпавшія на долю нашей интеллигенціи. Но въ томъ, что творится сейчасъ, во многомъ повинна та же самая интеллигенція (партийная), которая использовала свободу слова исключительно для проповѣди борьбы и челоѣконнаивности, пробуждая тѣмъ звѣрскіе инстинкты въ декультурированныхъ массахъ, понимавшихъ «борьбу» въ самомъ примитивномъ смыслѣ. Кроме того мы цѣлѣя столѣтія спокойно уживались съ такими массовыми бѣдствіями, какъ война, проституція, голодовки, вымирание дѣтей, котораго, крѣпостное право и пр. только потому, что эти бѣдствія почти не касались нашего класса. Теперь мы тоже голодаемъ, насъ тоже убиваютъ безъ всякаго смысла, мы тоже ничѣмъ не гарантированы отъ произвола и насилія. Все это, конечно, очень прискорбно и тяжело, но вспоминаемъ, что революція длится *уже 1 годъ*, и не всегда же будетъ царствовать грубый произволъ! У насъ есть все-таки надежда на ближайшее будущее. А прежде цѣлѣя поколѣнія родились, жили и умирали въ рабствѣ, не имѣя никакой надежды ни для себя, ни для дѣтей своихъ. Обидно и досадно, что теперь намъ приходится тратить столько времени и вниманія на разрѣшеніе вопросовъ о нищѣ, дровахъ, деньгахъ, одеждѣ, обуви, но когда вспомнимъ, что цѣлѣя милліоны русскихъ людей несли тяжелый трудъ и не могли ни о чемъ другомъ думать, кромѣ какъ о хлѣбѣ насущномъ, «предоставивъ почитательно намъ погружаться въ науки, въ искусства», то дѣлается какъ-то стыдно роптать.

«Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздноствіе сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, гѣбнота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе, изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, котораго бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погубило отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго, счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стучкомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, страстися бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери и его опять не увидятъ и не услышатъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ...»

Такъ писалъ о нашей жизни А. П. Чеховъ («Крыжовникъ»). Богъ съ ней, съ такой спокойной жизнью! Пускай душа у каждаго дверей стоитъ человѣкъ съ молоточкомъ, постоянно бы стучкомъ будить нашу совѣсть и повторять ей слова писателя нашей интеллигенціи: «Не успокаивайтесь, не давайте усыпить себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать доброту! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастье, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Дѣлайте добро!» (Тамъ же).

Въ наши дни кажется снова сбывается библейское пророчество объ истуканѣ съ глиняными ногами, котораго видѣть во снѣ Навуходоносору. Идолъ государственности, при всемъ видимомъ величій своемъ стоялъ на глиняныхъ ногахъ; поэтому ударъ, нанесенный ему въ Россіи, долженъ разрушить и всю постройку.

... Быть можетъ подъ громъ войны и міровыхъ потрясеній

и не без связи с ними и нынѣ для міра невѣдомо совершается нѣчто такое, что для его судьбы подлиннѣе, окончательнѣе, существеннѣе, чѣмъ эта война и чѣмъ весь этотъ шумъ, подлиннѣе евангельскій «прогрессомъ». Исторія свершится не тѣмъ, что падутъ великія державы и будетъ основано одно мировое государство съ демократіей, цивилизаціей и социализмомъ, — все это, само по себѣ вѣчное, есть тѣнь и имѣетъ значеніе лишь по связи съ тѣмъ, что совершается въ недрахъ міра между человекомъ и Богомъ... (С. Булгаковъ «Свѣтъ невечерній»).

И раньше въ исторіи были моменты, когда падали и разрушались царства и отдѣльныя культуры, но взаимнѣ ихъ соиздались новыя. Теперь шатается и готова рухнуть самая видѣя государства, государственнаго общенія, государственныхъ международныхъ отношеній.

Тяжелая миссія положить начало этому процессу исторически оказалась предуготованной самому крупному государству — Россіи; ей именно уготована исторіей своя Голгофа — добровольно отказаться отъ самой себя, отъ своей цѣлостности, принести себя, какъ государство, въ жертву и тѣмъ дать возможность всѣмъ людямъ вступить на иной, новый путь, оздать какой-то другой, лучшей строй жизни.

Повидимому, задача наша еще не закончена. Можетъ быть Россіи придется, цѣною опять же великаго страданія, послужить для разрушенія той Вавилонской башни социализма, того царства отъ міра сего, о которомъ говоритъ С. Булгаковъ. Антихристіанское содержаніе социализма, искусно скрытое подъ оболочкой всякихъ мнимыхъ благъ, всего скорѣе и рѣшительнѣе будетъ вскрыто именно среди того народа, который по духу своему былъ и есть прежде всего религіозенъ. Ради того, чтобы обвинить передъ всѣмъ міромъ такую ложь, такой угрожающей соблазнъ, можно пойти на всѣ жертвы вплоть до самоуби́точенія. И это обвиненіе, кажется мнѣ, уже начинается при помощи тѣхъ самыхъ социалистическихъ слывовъ, которые съ такой поспѣшностью нынѣ проводится въ жизнь наше новое правительствѣ, въ составъ котораго вошли люди, совершенно не понимающіе нашего народа, его духовной сущности. Тяжело быть въ роли животного для опытовъ въ лабораторіи, но если эти мучительные опыты надъ нами спасутъ жизнь милліоновъ людей и приблизятъ грядущее царство истинной свободы, то примемъ все съ радостью.

Д-ръ В. С.—скій.

Изъ деревни Воронежской губерніи.

Какъ хотите, у меня изъ головы не идетъ, что большинство людей сходило съ ума. Я какъ-то своимъ аграрнымъ грабителямъ сказалъ на ихъ требованіе: «Что вы съ ума сходите?» И получилъ отвѣтъ: «Да и то, мы все съ ума сходимъ...» Я такъ и думаю, что это временное помѣшательство. Въ этомъ мнѣніи меня укрѣпляетъ и сообщеніе С. о разгромѣ В. С. Толстой. Въдѣ въ сущности все-таки совѣстливые люди, и кажется готовы заглядѣть свою вину. Какъ я радъ былъ прочесть у него мнѣніе, что это результатъ «долгойлѣтней несправедливости нашихъ предковъ».

Н. Р.

На распутии.

Сейчасъ случайно познакомился съ четвертымъ номеромъ Вашего журнала и считаю, что нашелъ истиннаго друга.

Я стою на распутии... Воспитанная во мнѣ съ дѣтства фанатичность мною попрана... Все, что было для меня свято, во что я такъ сильно вѣрилъ, оказалось ложь и обманъ! Я сейчасъ переживаю мучительнѣйшія минуты... Къ кому обратиться за совѣтомъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ? Я чувствую, что должна же быть гдѣ-то «справда». Но гдѣ ее найти! Последнее время увлекателенъ за Л. Н. Толстого и съ жаромъ читаю его учебе жизни. Его такъ просто выраженные слова глубоко западаютъ мнѣ въ душу. Встрѣтившись съ Вашимъ журналомъ, я не могъ уже съ нимъ такъ просто разстаться. Я чувствую и вѣрю, что онъ поможетъ мнѣ выбраться на правильную дорогу разума и любви.

Н. Н.

Изъ письма юноши.

Лютинъ 10/1, 18 г.

Не потерпѣлъ, чтобы не отозваться на наше хорошее дѣло. Это все, чѣмъ я могу Вамъ помочь: моею любовью.

При чтеніи газеты всегда возникають лучшія мысли, газета всегда заставляетъ думать.

Здѣсь я немного занимаюсь среди другихъ дѣлъ по мѣрѣ возможности распространеніемъ вашихъ книгъ. И знайте, что многе и многе всѣхъ людей любящихъ Толстого, правннле любящихъ, любящихъ его праведныя мысли.

В. Т.

Отъ тюремнаго инспектора въ провинціи.

Я нынѣ опредѣленно рѣшилъ уходить съ той должности, которую занимаю. Меня заставляютъ быть тюремникомъ людей, которыхъ я уважаю: тюрьмы губерніи переполняются все больше и больше людьми безукоризненно честными и хорошими. Ничего подобнаго, завѣряю Васъ, при монархическомъ строѣ и не наблюдалъ; правда, и при царскомъ правительствѣ много хорошихъ людей сидѣло по тюрьмамъ, но лично ихъ, въ огромномъ большинствѣ, я не зналъ, не зналъ ихъ положительныхъ и отрицательныхъ качествъ и потому мнѣ не было такъ тяжело видѣть ихъ лишеными свободы. Сейчасъ совсѣмъ другое дѣло (я говорю съ чисто личной точки зрѣнія). Сейчасъ сидятъ въ тюрьмахъ люди, которыхъ я знаю и, даю Вамъ слово, что всѣ они глубоко порядочные люди, и видѣть ихъ въ тюрьмахъ для меня положительно невыносимо. Наконецъ, со времени февральскаго переворота я уже избаловался: тюрьмы почти опустѣли, и мнѣ никого, кромѣ убійцъ и воровъ, видѣть въ нихъ не приходилось.

То насиліе, которое творится кругомъ меня, понинѣ ужасно, и оставаться при такихъ условіяхъ въ той роли, которую я сейчасъ играю, я положительно не могу.

№ — 8.

Январь 1918 г.

Вчитываясь въ воззваніе общества отъ 1 декабря («Къ сочувствующимъ распространенію взглядовъ Толстого, я хотѣлъ бы предложить обществу свои услуги по распространенію, среди проходившихъ черезъ госпиталь масть, произведеній Льва Николаевича...»).

Я просилъ бы общество хоть изрѣдка оповѣщать меня о дѣятельности общества, дабы можно было бы отходить хотя на время отъ окружающей атмосферы и укрѣплять ослабѣвшую душу въ ея когда-то пламенныхъ стремленіяхъ, слишкомъ быстро потухающихъ за послѣдніе дни. Не откажите братья, товарищи. Не видя кругомъ себя человека, хотя бы сочувствующаго идеямъ Льва Николаевича, находясь въ атмосферѣ жуткой вражды и мелочныхъ интересовъ, съ ужасомъ чувствую, что падаю каждый день все ниже и ниже, не встрѣчая ни въ комъ сочувствія и оставаясь совершенно одинокимъ и какъ бы забытымъ духовно.

Владимиръ Шолоховъ.

Думаю, что съ весны начнется наше изгнаніе: при общихъ разгорѣвшихся аппетитахъ и захватной манерѣ дѣйствій это неизбежно. Не знаю еще, что думать о будущемъ переселеніи. Очень замѣтно, что выпукнула потребность обученія — къ намъ постоянно приводятъ новыхъ и новыхъ учениковъ. Это можетъ быть сблизитъ меня съ мѣстными жителями и меня оставить здѣсь учителемъ.

Этой открыткой отзываюсь только на ваши, но хотѣлось бы удосужиться и написать побольше. Не надо сморчать печально на событія. Это все было, но было скрыто. Исчезло извѣстное насиліе и весь гной выпелъ наружу. Такъ лучше. По крайней мѣрѣ видно настоящее состояніе организма. А насъ это обязываетъ передавать тотъ свѣтъ, какой имѣешь, ибо только въ свѣтѣ спасеніе.

Е. П.—8.

Открытое письмо.

Донецъ, Смоленск. г. 7 марта 1918 г.

Въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Петроградъ.

Мы обращаемся къ Вамъ не какъ къ начальникамъ, а какъ къ братьямъ, ибо мы всѣ сыны Бога, и не потому, что Вы имѣете власть — мы хотя и недавно, но все же перестали бояться всякихъ чуждъ, нами же размалеванныхъ; и не потому обращаемся къ Вамъ замолить, ибо за Вами стоятъ вооруженные, бряцающие оружіемъ, люди, собранные для убійства себя подобныхъ, имѣющихъ равное право на жизнь; мы не боимся смерти, въдѣ все равно когда либо да придется умирать. А обращаемся къ Вамъ потому, что Вы, имѣюще власть, затѣваете дѣло противное волѣ Бога, какъ то собираніе и обученіе людей къ новому убійству, нападенію на дружнѣе людей и можетъ быть для объявленія людямъ другой народности войны, для ихъ разоренія и убійства.

Мы, будучи убѣждены, что божеская душа, т. е. разумъ, совѣсть и любовь, хотя, можетъ быть, и защитная, но все-таки

* На обращеніе къ сочувствующимъ (№ 5) мы и Совѣтъ, о-ва истинной свободы получили большое количество самыхъ горячихъ откликовъ со всѣхъ концовъ Россіи. Red.

еще жива в людях, рѣшили поступаться къ этой душѣ, занесенной песками въ пустыи жизни, и напомнить ей ту старую истину, которую дали нам неизгнанный ходатай за народ—Христосъ: «Все то, что желаете, чтобы сдѣлали для васъ люди, то сдѣлайте имъ». И эта истина подтверждена многими мудрыми людьми мира, а въ послѣднее время нашимъ мыслителемъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, что «для того, чтобы не было того зла, отъ котораго люди такъ жестоко страдаютъ, надо перестать дѣлать его, и что для того, чтобы жизнь была хороша, есть одно средство: надо жить хорошо». Братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что Вы дѣлаете! Вспомните кто Вы! Видъ все равно никакая сила не можетъ, какъ этого Вы желаете, сдѣлать изъ живого человѣка мертвую вещь, которую можно распоряжаться какъ Вамъ вздумается, опьяненнымъ властью. Христосъ и Толстой, Левъ Николаевичъ, поучали людей, что они все сыны Божьи, и потому не можетъ христіанинъ отдать свою совѣсть богочеловѣку во власть другого человѣка, какимъ бы именемъ и титуломъ онъ ни назывался. То же, что Вы, взявши власть надъ людьми, требуете убійства братьевъ, показавъ то, что Вы обманщики и что повиноваться Вамъ не нужно, ибо сами не хотите жить хорошо, а требуете отъ людей хорошей жизни; не хотите перестать дѣлать зло.

Считая, что мы высказали все, что говоритъ наша совѣсть по отношенію къ Вашимъ душамъ, добавляемъ: что мы, какъ поджигатели призыву, не только не хотимъ, и не можемъ, и не будемъ принимать участія въ вашихъ антихристіанскихъ дѣлахъ, но и Васъ просили бы не губить даръ Божій—душу, ибо что будетъ, если мѣръ пріобрѣтете, а душѣ своей повредите.

Одновременно съ симъ посланы заявления: Предсѣдателю Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, Верховному Главному командующему прапорщику Крыленко, Командующему Петроградскимъ военнымъ округомъ, въ Смоленскій Совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, въ Духовническую Совѣтъ рабоч., солд. и крестьянскихъ депутатовъ, въ Духовническое воинское присутствіе.

Е. И. Пыриковъ, И. Д. Клешковъ, И. И. Пыриковъ.

Изъ печати.

Совѣсть.

1.

Въ концѣ апрѣля въ Московскомъ революціонномъ трибуналѣ разбиралось дѣло юности волюнопредѣляющагося Шереметьева, обвинявшагося въ неподчиненіи приказу о снятіи погоней и въ контр-революціонной пропагандѣ. Обвиняемый заявилъ на судѣ, что онъ убѣжденный противникъ теперешняго правительства и считалъ и считаетъ долгомъ громко заявлять объ этомъ. Приговоръ суда, присудившаго Шереметьеву къ 17 годамъ тюрьмы, сильно возмущалъ все общественное мнѣніе. Черезъ нѣсколько дней въ Иавѣстіяхъ Совѣта было помѣщено слѣдующее открытое письмо общественнаго обвинителя въ рев. трибуналѣ М. Карапетянца (Н. Лазѣна):

«Въ Московскомъ революціонномъ трибуналѣ слушалось дѣло нѣкоего волюнопредѣляющагося Шереметьева, который обвинялся въ томъ, что онъ, будучи въ одномъ изъ госпиталей, велъ контр-революціонную агитацію среди больныхъ, не подчинился приказу о снятіи погоней и угрожалъ убійствомъ. На судѣ Шереметьевъ предъявленное ему обвиненіе подтвердилъ... Угрозу въ убійствѣ отрицалъ. Этотъ пунктъ остался для меня, какъ обвинителя, не выясненнымъ... Въ этотъ день, какъ обвинитель, я былъ болѣе жестокимъ, чѣмъ когда-либо, за что заслуживаю полное порицаніе. Но судъ революціоннаго трибунала пошелъ дальше и приговорилъ Шереметьева къ 17 годамъ принудительныхъ общественныхъ работъ. Этотъ, я бы сказалъ, тяжелейшій приговоръ, превышающій всякую мысленную норму... нанесъ окончательный и рѣшительный ударъ моему дальнѣйшему прокурорству. Отнынѣ категорически заявляю, что въ дальнѣйшемъ, если мнѣ придется выступать передъ судомъ, то только въ качествѣ защитника, но никакъ не обвинителя. Отъ роли обвинителя я отказываюсь на все время моей жизни...»

II.

«Свобода Россіи» сообщаетъ, что «должно было слушаться дѣло о группѣ членовъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, подозрѣваемыхъ въ участіи и соучастіи въ выступленіи казака Сотникова. Дѣло было назначено къ слушанію, но неожиданно снято; выяснилось, что причиною отсрочки явилось самоуправство предсѣдателя трибунала Коралова. Никакихъ разслѣдствій не послѣдовало, и молва гласитъ, будто онъ покончилъ съ собою, не желая выносить смертные приговоры.»

III.

17-го марта въ станицѣ Великокняжеской случился совѣтскимъ войскамъ товарищъ войскового атамана Донского войска помощникъ Каледина М. Богаевскій, обратившись къ своимъ бывшимъ соратникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«...За послѣдніе полтора мѣсяца я лично убѣдился въ томъ, что ужасъ гражданской войны ложится не на сражающихся, а на мирное населеніе... Такъ дальнѣе жить совершенно невозможно. Это пужно немедленно кончить. Борьба намъ, партизанамъ, несетъ только одну гибель, не давая народу ничего. Жизнь многихъ изъ васъ еще нужна Россіи. Не губите же ихъ. Начните мирные переговоры...»

Вы спросите: «Къ чему же была борьба съ большевизмомъ?» Я прямо и рѣшительно отвѣчу: она была политической ошибкой, и лишней жертвы съ обѣихъ сторонъ только вредны Россіи... Безконечно жаль погибшихъ съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что тамъ была главнымъ образомъ молодежь. Но ушли и уходило отъ жизни и послышавшіе. За послѣдніе два мѣсяца я много передумалъ и жестоко въ душѣ выстрадалъ все происходящее на Руси, на Дону, и вижу, что намъ пришлось расплачиваться за политическія ошибки другихъ, и это ужасно. И потому вы поймите мою послѣднюю, быть можетъ, просьбу: перестаньте сражаться и ищите мирныхъ путей. Еще не заказаны они вамъ. Повѣрьте, что я пишу это доброй волей и въ такой моментъ своей жизни, когда нѣтъ надобности притворяться и лгать. Простите меня и не судите М. Богаевскій.»

Богаевскій былъ арестованъ и содержался въ Новочеркасскѣ. Дальнѣйшая судьба его пока неизвѣстна.

Совѣтъ и тѣни среди анархистовъ.

I.

«Рабочая Мысль», органъ «Харьковской группы Анархосиндикалистовъ-коммунистовъ», отъ 10 марта сообщаетъ, что «она временно прекращается», такъ какъ настало время отложить перо въ сторону и вместо него взять въ руки винтовку». Выразаясь простыми словами, это значитъ, что они рѣшили приступить къ убійству своихъ нѣмецкихъ товарищей-рабочихъ за то, что этимъ рабочимъ не удалось еще освободиться отъ своихъ порабитителей.

Въ этомъ же номерѣ они справедливо говорятъ: «Пьянство и грабежи погубятъ дѣло революціи, пьяница и грабитель врагъ болѣе страшный, чѣмъ нѣмецко-гайдамацкія полчища». Но какъ же они не понимаютъ, что опьяненіе страстью и злобой еще худшій врагъ всякой свободы, чѣмъ опьяненіе виномъ, которое причиняетъ сравнительно меньше вреда и гораздо быстрее проходитъ?»

Въ газетѣ много говорится о русскомъ народѣ; но какъ мало пишутъ знаютъ и понимаютъ этотъ самый русскій народъ. О теперешнемъ настроеніи народа они утверждаютъ какъ разъ обратное тому, что есть на самомъ дѣлѣ. Они пишутъ, что отъ нѣтъланныхъ правителей «русскій народъ ждалъ призыва къ борьбѣ съ нѣмцами, въ то время какъ временная популярность нѣтъланныхъ правительства была главнымъ образомъ основана на томъ, что оно не помѣшало народу прекратить борьбу съ нѣмцами. Еще идемъ на кровавую борьбу, вмѣстѣ со всѣмъ революціоннымъ народомъ, который буди бы проявлялъ «явно выраженное желаніе... востать на защиту революціи и идти на бой съ нѣмецкой буржуазіей и побѣдить или умереть». «Воспримуть народъ... и смѣло двинулся на борьбу». «Народъ уже дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ именно такъ, какъ надо: воодушевляется на борьбу». Достаточно имѣть хоть нѣкоторое соприкосновеніе съ полными народными массами для того, чтобы знать, какъ мало всѣ эти утвержденія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Столь же невѣрное заявленіе о томъ, что «народъ пополнитъ свои рѣдѣющіе ряды борцами другихъ странъ»—способно только предвѣстить легковѣрныхъ несомнѣтельныхъ надеждами.

Какъ и полагаются въ этихъ случаяхъ, газета дышетъ ненавистью и злобой. Въ ней говорится о «черной крови буржуазіи», съ которой «должна быть такая же расправа, какая была съ нами во времена Третьякова, приказывавшаго для насъ патроновъ не жалѣть». Выходитъ, что такъ какъ Третьяковъ былъ не правъ, то надобно ему подражать, и что сотрудники «Рабочей Мысли» не въ силахъ посоветовать народу ничего лучшаго, какъ въ борьбѣ за свободу примѣнять тѣ же самыя средства, которая въ свое время употреблялись для защиты самодержавія.

Но эти фашистско-насилыники идутъ еще дальше. Они говорятъ: «Направимъ наше оружіе на всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе мѣшаетъ успѣху нашей борьбѣ». А такъ какъ успѣху всякой насильственной борьбы больше всего мѣшаютъ тѣ, кто убѣждаютъ людей не бороться насильемъ, то понятны и слѣдующія

строки: «Преступление совершают те, кто вместо слов одобрения, вместо признания дальнейшей борьбы, внушают революционному народу недоверие к его силам, убивают в нем дух дерзновения...»

Значит, по понятиям этих «слышек» руководителей «слышек», убивать нужно не только чужеземных руководителей «слышек», но и своих же русских, если только они посмеют говорить о братстве всех людей и о любви к врагам.

II.

В газете «Анархия», органе «Московской Федерации Анархистских Групп» от 24 марта помещен горячий протест Бр. Гордина против производимых в настоящее время правительственными властями расстрелов. Вот некоторые выдержки:

«Опять расстрелы. Опять кровь. Кровь безвинных, несчастных, жалких жертв преступного общества. Опять смертная казнь. И не на фронте, а в тылу, в столицах, в Москве!»

Мы вернемся в заколдованном кругу крови и убийств. Корнилов издал приказ о смертной казни, Керенский скрепил этот приказ, одобрил его. Мы все, все преданные революции, идеалу освобождения человека, возстали против этого дикого, кошмарного закона. И большевики боролись против этого закона. Устраивали митинги протеста, выносили резолюции, писали статьи, выкрикнули лозунг «долой смертную казнь!»

Прошло всего несколько месяцев, как большевики взяли власть. И они, те самые, которые так возставали, боролись против смертной казни, издали закон о расстрелах без суда и следствия, на месте преступления... Этот безумный закон безумного законодателя вошел в жизнь и исполняется со всеми невбродными зверствами.

Говорят большевики, что расстреливают они бандитов, громил, грабителей. Не так ли говорил Корнилов? Не так ли оправдывался Керенский? Ведь он то же самое говорил: он расстреливает дезертиров, разбойников, насильников, чинящих погромы, поджоги, грабежи и насилующих женщин.

Тогда расстреливали, но все же по суду, по приговору хоть военно-полевого, но все же суда. Теперь же расстреливают без всякого суда, без всякого счисления, по дикому произволу, по пьяному капризу пьяного участкового пристава, или в высоком стиле названного комиссара.

И по чьему приказу расстреливают? По приказу партии, которая сделала свою политическую карьеру на протестах против смертной казни. Как же нам, большевикам, не стыдно? Краснеть, если власть краснеть умеет. Стыдитесь своего политического беззастенчивости! Вы возстали против палача Корнилова, теперь попали в его же роль.

Сами протестовали против смертной казни, а теперь не сетуете смерть, съедаете смерть и убеждение...

Антимилитаризм в Англии.

(Газета «Жизнь» № 2, 1918 г.)

Изданный английским правительством закон о мерах обороны королевства вызвал большое противодействие со стороны противников войны, не побоявшихся выступить с противоязвенной пропагандой. Возник ряд судебных процессов. Среди них наибольшее внимание привлек процесс Вальтера Джорджа Сингера.

Сингер—уже пожилой человек, проявил необычайную энергию и изобретательность в распространении своих листов и брошюр, в которых призывал солдат и матросов воздержаться от участия в войне. У м—ра Сингера не было ни покровителей, ни пособников. Но он был настоящим в искренности своих убеждений. Излюбленный способ распространения своих произведений м—ра Сингера был таков: завязав сношения с владельцами гостиниц, харчевен, столовых, где ютились моряки и солдаты, Сингер путем переписки или личного знакомства, начинал регулярно посылать им свои листки и брошюры,—и учреждения эти, в концы-концы, становились очагами противоязвенной пропаганды.

На суды, по требованию прокурора, были оглашены наиболее яркие места из сингеровских памфлетов.

В. За что мы сражаемся?

О. За победу, неуязвимую славу, бессмертие, патриотизм.

В. Что обозначают эти понятия?

О. Туманная-невидимая и неосознанная—отвлеченность.

В. Что скрывается за этими отвлеченностями?

О. Ровно ничего. В лучшем случае,—то, что мы должны

ежедневно тратить пять миллионов фунтов в день, чтобы убивать и разорять себя подобных.

На одном из изданных Сингером памфлетов была такая надпись: «Рекруты, остановитесь и подумайте раньше, чем ринуться в общую свалку, заливающую кровью весь мир!» Было установлено судом, что листки Сингера производили сильное впечатление на солдат, особенно раненых, которые после знакомства с пацифистской литературой, редко выражали желание вновь пойти на фронт.

В заключительной речи обвинитель признал, что трудно поддерживать обвинение Сингера в сношениях с неприятельскими странами, но несомненно, что пропаганда Сингера имела разлагающее влияние на армию.

М—ръ Сингер приговорен к 4 месяцам тюремного заключения, увеличил сношения британских антимилитаристов, пострадавших за открытое исповедание своей веры в «свободной» стран.

Лига народов.

Многолетняя война, называемая войной, снова заставила людей обратиться к изысканию способов мирного разрешения возникающих международных столкновений. В Англии в палату общин было внесено предложение об учреждении международного трибунала и о создании после войны «Лиги народов», которая обеспечила бы согласие между всеми нациями.

По докладу лорда Лендсоуна Лига народов должна удовлетворять, по словам «Власти Народа», следующим требованиям.

1) Доступ в нее должны быть открыты все. В ней должны быть представлены больше или меньше значительные страны; 2) лига должна быть надлежна такой властью, чтобы она могла требовать полностью подчинения своим решениям со стороны всех своих членов.

Лендсоун считает благоприятным предзнаменованием тот интерес, который проявляют к созданию таковой С. Америке, Соед. Штатах. Но он не согласен с предложением Вильсона, чтобы из этой Лиги была исключена Германия.

«Соображения, что Германия не должна быть допущена в лигу народов, по причине недоверия к ней—неосновательны; никто и не думает полагаться на обещания или письменные обязательства Германии. Сушность положения сводится к тому, чтобы государства, входящие в лигу народов, признавали бы безусловную обязательность для себя всех международных постановлений, которые должны быть выработаны самой лигой. Если лига будет иметь возможность объявлять государства вни закона, то я уверяю, что этим получим действительную гарантию мира, какую не имели до сих пор. У нас есть доказательства того, что в 1914 году были организованы переговоры с целью вызвать войну во что бы ни стало. Однако я считаю, что если бы тогда существовала лига народов, то возникли бы переговоры, война не застала бы всех врасплох и пацифисты получили бы время и больше шансов для предотвращения войны».

Особая надежда Лендсоун возлагает на усталость народных масс и утомление войной. После войны, по его мнению, должно наступить разоружение, почти автоматическое.

Трудно согласиться, чтобы можно было создать такой орган, который насильем и принуждением заставил бы людей отвлечься от насилия. Но чрезвычайно характерно уже то, что такие мысли возникают и начинают обсуждаться. Угар войны и убеждение его очевидно исчезают.

Хроника.

Отчет Общества Истинной Свободы в 1917-18 г.

25 апреля с. г. в залѣ Москов. Вегетар. О-ва состоялось годовое общее собрание О-ва истинной свободы в память Л. Н. Толстого. Собрание это было очень многолюдно. Руководил собранием А. П. Сергеев. В качестве докладчика Совета выступал В. Ф. Буягоцкий, прочитавший отчет о деятельности О-ва в 1917-18 г.

Выяснилось, что в О-во записалось больше 300 членов, из них $\frac{1}{2}$ московских и $\frac{1}{2}$ иногородних. Кроме того, особая отделенія О-ва существуют в г. г. Витебск, Самарь, Серпухов, Наринь, на ст. Делег. Смолен. губ. В ближайшее время должны открыться «О-ва истинной свободы» в Оршове-Зуев, Воронеж, Ельня, Сергиевск и в др. городах. Связь между всеми отделеніями—чисто моральная и практическая, не носившая обязательного характера, как у политических организаций.

Деятельность членов Совета выразилась, главным об-

разомъ, въ устройствѣ многочисленныхъ собраний, лекцій и бесѣдъ какъ въ Москвѣ, такъ и за предѣлами ея. Такъ, въ Москвѣ на еженедельныхъ собранияхъ въ залѣ Вегетар. Об-ва В. Г. Чертковымъ прочитаны были доклады: «О свободнорхристианскомъ пониманіи», «Объ истинномъ анархизмѣ», «Чѣмъ руководиться въ общественной дѣятельности», «Благо родина», «Задача жизни», «Народъ и политика», «Движеніе противъ войны въ Англіи», «О насильственной революціи», «Народъ и интеллигенція», «О междоусобной враждѣ», «Духовное сознаніе русскаго народа», «О демагогіи» и др. Цѣлый рядъ докладовъ о метафизическихъ основахъ міровоззрѣнія Л. Н. Толстого прочитанъ былъ Ф. А. Страховымъ. Читались также доклады И. И. Горбуновымъ-Посадовымъ, И. М. Трегубовымъ, В. Ф. Булгаковымъ и многими другими членами Об-ва.

Кромѣ того, членами Об-ва устраивались чтенія и лекціи въ казармахъ для солдатъ, въ фабрикахъ для рабочихъ, а также среди крестьянскаго населенія Московской и Нижегородской губ. На всѣхъ этихъ лекціяхъ, собраніяхъ и чтеніяхъ развивались идеи міровоззрѣнія «истинной свободы».

Послѣ октябрьскаго переворота члены О. И. С. получили доступъ въ московскія тюрьмы для устройства чтеній и бесѣдъ для ихъ обитателями. Отчетъ Совѣта подробно останавливается на описаніи общенія съ заключенными, и эта часть отчета была прослушана собравшимися съ наибольшимъ интересомъ и сочувствіемъ.

Ужасное положеніе арестованныхъ, въ связи съ уничтоженіемъ плановнаго судопроизводства и продовольственныхъ кризисомъ, побудило даже Совѣтъ О. И. С. предпринять нѣкоторые шаги для содѣйствія скорѣйшей разгрузки тюремъ, съ каковой цѣлью члены Совѣта Об-ва обратились какъ къ большевистской власти, такъ и къ представителямъ общественныхъ круговъ.

При Об-вѣ существуютъ библиотека и читальня, открытыя по средамъ и субботамъ отъ 7 до 9 ч. вечера.

Письменные запросы о такъ назыв. «Толстовскомъ движеніи», о колоніяхъ, о книгахъ и пр. удовлетворялись по мѣрѣ возможности Справочнымъ Бюро. (Адресъ Справ. Бюро: Москва, Газетный пер., д. 12, Справ. Бюро О. И. С.).

Изъ пѣдръ О. И. С. возникъ Всероссийскій Комитетъ общественной помощи голодающимъ дѣтямъ, столь необходимый въ настоящее время вымирания отъ голода и его послѣдствій.

По прочтеніи отчета, Общее Собраніе утвердило его и выразило Совѣту благодарность за его дѣятельность.

Избраны въ члены Совѣта на 1918—19 г.: В. Ф. Булгаковъ, Н. Н. Гусевъ, О. А. Данишевскій, А. И. Деминъ, В. А. Ждановъ, И. Н. Коляскаль, М. В. Муратовъ, М. И. Попова, А. П. Сергѣенко, Ф. А. Страховъ, И. М. Трегубовъ, Н. В. Троицкій, И. Ф. Филипповъ, М. Г. Хорошъ, А. К. Черткова, В. В. Чертковъ, В. Г. Чертковъ и К. С. Шохоръ-Троицкій.

Кромѣ того, избранъ цѣлый рядъ членовъ-корреспондентовъ Совѣта изъ лицъ, живущихъ въ Москвѣ. Члены-корреспонденты, являясь какъ бы представителями О. И. С. на мѣстахъ, содѣйствуютъ поддержанію связи между всеми единомышленниками, даютъ справки объ Об-вѣ и пр.

Всѣмъ обычнаго доклада идейнаго содержанія собравшимся выслушаны были выдержки изъ архива О. И. С., письма отъ иногороднихъ друзей и единомышленниковъ, какъ состоящихъ, такъ и не состоящихъ членами Об-ва. Много волнующаго и трогательнаго содержится въ этихъ письмахъ и прослушаны они общими собраніемъ съ большимъ вниманіемъ.

Собраніе прошло въ духѣ общаго согласія и взаимнаго довѣрія. Частнымъ образомъ многими членами высказывалось пожеланіе, чтобы общія собранія членовъ Об-ва устраивались возможно чаще.

Совѣтъ О-ва Истинной Свободы въ память Л. Н. Толстого получить отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Смоленской губ. слѣдующую официальную бумагу:

«Комиссаріатъ по Народному Просвѣщенію Смоленской губерніи организуетъ собственное издательское дѣло съ цѣлью распространенія книгъ среди рабочихъ и крестьянъ по всѣмъ вопросамъ общественности, литературы и искусства. Одной изъ важнѣйшихъ и первыихъ задачъ литературно-издательскаго Отдѣла является изданіе произведеній Льва Николаевича Толстого и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые въ годы реакціи не могли быть издаваемы по цензурнымъ условіямъ. Въ первую очередь имѣется въ виду переизданіе «Краткаго изложенія Евангелія» для разслана по народнымъ школамъ въ цѣль окончательнаго искорененія насаждавшейся въ школахъ официальной религіозности. Затѣмъ предполагается приступить къ изданію статей Льва Николаевича о Богѣ, о государствѣ, о воспитаніи и проч.

Въ виду незначительности имѣющихся въ распоряженіи Комиссаріата техническихъ средствъ на первыхъ порахъ придется ограничиться переизданіемъ мелкихъ произведеній Л. Н. Толстого, въ видѣ небольшихъ брошюръ.

Комиссаріатъ по Народному Просвѣщенію обращается къ Обществу Истинной Свободы за содѣйствіемъ въ дѣлѣ осуществленія изложенныхъ задачъ и проситъ въ самомъ ближайшемъ времени выслать комитетъ брошюръ—соп. Л. Н. Толстого и «Краткое изложеніе Евангелія».

Всѣ затраты будутъ покрыты Комиссаріатомъ.

Комиссаріатъ надѣется, что Общество окажетъ всю возможную поддержку въ предпринимаемомъ нами и не терпящемъ отлагательства дѣлѣ.

Народный Комиссаръ по Просвѣщенію Смоленской губерніи А. Чаплинъ.

Въ отвѣтъ на эту бумагу В. Ф. Булгаковъ сообщилъ Народному Комиссару, что Совѣтъ О. И. С. радъ оказать всяческое содѣйствіе въ предпринимаемомъ упомянутымъ Комиссаріатомъ дѣлѣ изданія произведеній Л. Н. Толстого.

Союзъ Воспитанія Свободнаго Человѣка.

(Выдержка изъ воззванія).

«Свободная родина нуждается въ свободныхъ сынахъ».

Что мы все сдѣлали? Мы довели мать нашу, Россію, до униженія, до нищеты и одичанія.

Отчего это случилось?

Оттого, что мы прильпились сердцемъ къ корысти и забыли завѣты правды и любви.

Насъ учили быть корыстными не за себя, а за песь свой класъ. Въ насъ растили злобу на людей другихъ классовъ. Но корысть и злоба, попавши въ сердце, всегда разгорятся въ немъ, какъ пожаръ, и ничего не разбавляютъ.

И вотъ, мы дошли до того, что вырываемъ кусокъ другъ у друга, всѣхъ винимъ въ несчастіи кромѣ себя, творимъ обманы и насилия на каждомъ шагѣ.

Мы во зло употребили святую свободу и свобода обратилась въ разбой.

Что же намъ дѣлать? Надо намъ понять, что по Евангеліюму слову—всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрыя, а худое дерево приноситъ и плоды худыя.

Не восторжествуетъ братство черезъ ненависть и справедливость—черезъ неправду.

Когда мы это поймемъ, мы почувствуемъ, что каждый человѣкъ—и рабочій, и крестьянинъ, и буржуа—прежде всего братъ нашъ по Духу... почти всегда несчастный, перѣдко—заблудившійся братъ. Нельзя винить человѣка только за то, что онъ родился въ этомъ или въ другомъ классѣ.

Мы должны пожалѣть другъ-друга, просить другъ друга вѣрности и признанія... обдуманно, совѣстно и неспорно устраивать заново общую жизнь.

Не поздно-ли? Нѣтъ, не поздно. Тѣло народа истерзано, но душа народная жива,—она только балбѣт. Если выдохнетъ душа, она и тѣло понемногу излѣчить.

Лекарство для души мы найдемъ въ глубинѣ своей совѣсти. Закроемъ слухъ навѣ для страстныхъ криковъ, будемъ наединѣ съ собой почаще заглядывать въ совѣсть, и она скоро укажетъ намъ путь. Душа народная сама выведетъ Россію на дорогу...

Союзъ Воспитанія Свободнаго Человѣка: Москва, Арбатъ, Колошны пер., д. 4.

Отъ редакціи.

Съ настоящаго выпуска наше повременное изданіе: «Голосъ Толстого и Единеніе» вступаетъ во второй годъ своего существованія; при чемъ мы получили возможность выпускать дальнѣйшіе номера **періодически**, черезъ каждыя **два мѣсяца**, (приблизительно каждыя 1-ое и 15-ое числа мѣсяца).

Періодическій выходъ обуславливаетъ теперь возможность приема подписки на изданіе.

Условія подписки на 12 номеровъ **8 р. 40 к.**; на 6 номеровъ **4 р. 20 к.** (Съ пересылкой).

Просимъ обращать вниманіе на новый адресъ Конторы Издательства: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5. Издательство «СВОБОДА», въ Контору (или Редакцію) «ЕДИНЕНІЕ».

Корреспонденцію для Редакціи слѣдуетъ направлять по этому же адресу.

В. и А. Чертковы.

Июль 1918 г.

Редакторъ В. Г. Чертковъ.